

913 (с 136.1)

В-75

**ВОРОНЕЖСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК.**

Вып. 3-й.

Издание Общества для изучения Воронежского края.

СОДЕРЖАНИЕ 3-го ВЫПУСКА.

	Стр.
1. Проф. <i>Т. Я. Ткачев</i> . Народная медицина в Воронежской губернии	3—11
2. <i>Н. В. Валутинский</i> . Жизнь работниц на суконных фабриках крепостного времени	11—13
3. <i>Ф. И. Поликарпов</i> . Об этнографическом изучении Воронежского края	14—18
4. <i>Т. М. Олейников</i> . Крепостные крестьяне Воронежск. губ. накануне освобождения	18—36
5. <i>К. П. Архангельский</i> . К биографии <i>Н. В. Станкевича</i> . Станкевич и Тургенев	37—43
6. <i>А. М. Путинцев</i> . Из устной поэзии талагаев. 1. „Острожницкая песня“. 2. Как поп жеребенка высиживал	43—48
7. Программа для собирания материалов по литературной деятельности в Воронежском крае	48—51
8. Инструкция для собирания ископаемых остатков древних насельников края	51—52
9. Краеведческая хроника. 1. <i>Н. В. Валутинский</i> . Из экскурсий за лето 1924 г. 2. Открытие Кольцовской комнаты в Никитинском музее	53—54
10. Библиография. <i>Б. Вишневский</i> . Человек, как производит. сила. Ленинград 1925 г. Ст. <i>Ф. И. Поликарпова</i>	54—55
11. Объявления	56

71993

К

B-75

С. П. ... рова

B

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК.

Вып. 3-й.

Издание Общества для изучения Воронежского края.

ВОРОНЕЖ,
типография Губсоюза, ул. 11 мая, 33.
1925 г.

2
БИБЛИОТЕКА
Н. М. 2493
Рис. Л. 2493

u

Народная медицина в Воронежской губернии.

Профилактическая работа в условиях современной русской деревни естественно наталкивается на целый ряд пережитков отдаленной старины, на неизжитые предрассудки и суеверия, несознательное, подчас злостное, отношение к медицине и медработникам.

Естественно, что задачи профилактики неизбежно сведутся прежде всего к изучению условий деревенского быта: только тесное и близкое соприкосновение медработников со здоровым населением даст возможность перестроить нашу бывшую земскую врачебно-санитарную помощь на основании принципов советизации медицины.

Задачи профилактики, или предупреждения заболеваемости населения, не мыслимы без учета всей совокупности бытовых и даже исторических условий существования населения. При самом поверхностном подходе к разрешению проблемы более тесной спайки медицинской помощи и быта деревни—„деревенский врач ежедневно должен бороться с предрассудками и привычками народа, обращающимися часто в ненарушимый закон“—говорил еще писатель Даль в своей статье о народных врачебных средствах^{*}).

Знание условий деревенской обстановки и быта имеет для медперсонала огромную важность. „Его воспитательное и даже чисто лечебное значение увеличится во много раз, если медработник будет в состоянии подойти и овладеть мировоззрением крестьян“ (д-р Попов^{**}).

За 50 лет существования земской медицины и 7 лет—советской медицины в значительной степени завоевано доверие крестьянских масс, пробита большая брешь в сторону признания научной медицины, но о полной контактности работы говорить еще рано. Быт деревни должен еще пережить революцию и раскрепостить малосознательные слои крестьянства от многовекового гнета религиозно-медицинского невежества, засилья знахарей и знахарок и грубого средневекового эмпиризма при лечении различных болезней.

^{*}) Журнал Мин. Внутр. Дел, 1843 г.

^{**}) Русская народно-бытовая медицина, 1903 г.

Небольшой опыт учета настроений нашей деревни, проведенный в губернском масштабе в Воронежской губернии, дает чрезвычайно тяжелые данные и наводит на значительно пессимистические выводы. Большинство больных в деревне опирается в своих надеждах на выздоровление до сих пор на „божью помощь“, вместо медицинского участка больные идут к знахаркам, попам и монашкам (Левороссошанский район, Воронежской губ.). Очень часто, крестьяне говорят о том, что медицина „ничего не действует“ (Городище, Нижн. уезд.). Один из корреспондентов, отвечавших на вопросы, связанные с изучением отношения деревни к медицине, пишет: „на 75 % население не верит в медпомощь: бог не поможет—врачу все равно не вылечить,—а медицинскому персоналу при лечении помогает нечистая сила“ (с. Ясенки, Нижн. уезд.). Даже в таких местах, которые должны быть сравнительно культурными по своей непосредственной близости к уездным городам и губернскому центру, население старается по возможности обойтись домашними средствами и обращается за медпомощью уже после их использования (Новая Сотня-пригород. г. Острогожска).

Имеются и положительные отзывы, которые подтверждают высказанное выше положение о доверии населения к научной медицине.

„Слово — медицина — не ново. Поскольку медперсонал является доступным и понимает народное горе“, — говорит корреспондент из с. Колыбельки, Лискинского района, Острогожского уезда, — крестьяне верят, что медицина помогает от всяких болезней, если только... дать хорошую подачку“ (Богучарский уезд).

Вопрос о гонораре, или благодарности медперсоналу, является тяжелым наследием прошлого. В годы голодовок это явление приобрело повсеместное распространение и имеет оправдание только в исключительно тяжелых материальных условиях, в которых находился медперсонал. Общий и поголовный вывод деревни сводится к тому, что платность за медицинскую и медикаментозную помощь отталкивает население от врачебного участка.

Глубокое убеждение деревни по вопросу о платности сводится к тому, что бесплатно „хорошего лекарства нельзя получить“. Плата в большинстве случаев ведется натурой и знахарю и медперсоналу. Если они взяли подарок, то больной убежден, что он выздоровеет; если же гонорара не берут, то это вызывает сомнение и почти уверенность,

что врач не может вылечить данную болезнь. (Таловский район, Богучарского уезда).

„Ни одна женщина не идет у нас бесплатно в больницу“,—заявляет корреспондент Валуйского уезда (Брянские Липяги). В некоторых районах, где бывшая земская медпомощь была поставлена удовлетворительно, население в значительной степени освободилось и от суеверных предрассудков и от необходимости давать медперсоналу гонорар. „Если доктор не просит, то и не дают ничего“ (Репьевка, Острогожского уез.). Во всяком случае платность в деле оказания медпомощи населению, как явление историческое, обострившееся неурожаем и голодовкой, в настоящее время изживается деревней.

Обращаемость населения в медучастки в настоящее время достигает, примерно, обращаемости начала 900-х годов прошлого века и равняется в среднем половине населения, входящего в состав медицинского пункта. К началу империалистической войны обращаемость в земских губерниях была в двое выше и равнялась 1:1. Обращаемость застрахованных в настоящее время превосходит обращаемость крестьянского населения в среднем в 10 раз. Это не значит, что заболеваемость среди последних в 10 раз выше, чем среди крестьян, т. к. деревня находится, несомненно в более худших экономических условиях, чем застрахованные. Без большой погрешности мы можем признать заболеваемость той и другой части населения одинаковой. Значит, понижение обращаемости за медпомощью в деревне необходимо вытекает из того, что крестьяне не могут платить за лекарство и медпомощь. Если платность юридически—за немногими исключениями—уже изжита, то фактически обращение в медучасток является для крестьянина еще мало доступным. Кроме этого в известной части население до сих пор предпочитает более близкую и более понятную помощь знахарки. „Доктора не все могут: иногда врач не вылечит, а знахарка может, напр., от сумашествия, нервного расстройства и... даже от воспаления десен“.

Лечение собственными средствами и лечение знахарей и монашек носит тип заговоров, нашептываний, лечения святыми камнями, стружками от гроба господня, наговорной водой и т. д.

Условия, в которых живет современная деревня, почти ничем не отличаются от того, что было 100 или 200 лет тому назад: полное отсутствие здоровых гигиенических навыков и беспросветная власть религиозно-бытовых пред-

рассудков, в связи с экономической необеспеченностью, создают благоприятную почву для развития инфекционных, накожных и, главным образом, социальных болезней. Уход за больными почти отсутствует и распространяется только на нужных в хозяйстве членов семьи. К старикам и детям относятся определенно: „хоть бы скорее бог прибрал“. Не сгущая теневых сторон быта деревни, необходимо признать, что планомерная работа по оздоровлению его еще только начинается: земская медицина была слишком официальной и на ее пути стояло слишком много полицейских рогатов.

Лечебно-санитарная профилактика наталкивается в деревне прежде всего на жилищный вопрос. Больше полугодом крестьяне живут в грязных и сырых избах, живут в тесном союзе люди и куры, телята и овцы... „Дымный воздух, под ногами сор, сор под лавкой, паутины по углам узор“—говорил о Воронежской деревне поэт Никитин. Та же беспросветность значительно царит и в умах крестьян: представления о сущности заболеваний, о течении болезней, о способах лечения и т. п. коренятся в XVII веке. То расслоение деревни, которое произошло в результате революции, выделило кадр сознательных граждан и в медицинском отношении. Это по преимуществу партийные товарищи, красноармейцы, комсомол. Женщина менее затронута, но и она уже вовлечена в организационную перестройку быта. Этот авангард является мощным орудием идеологического воздействия и профилактического подхода к массе крестьянства в медицинском отношении. Кроме общекультурного, многие лица из указанных категорий за время империалистической и гражданской войны, получили специальное медицинское образование в качестве санитаров, ротных фельдшеров, сестер милосердия и т. д. Несомненно, что они за эти годы оказали очень большое влияние на деревенскую массу, но хорошее начало—только половина дела. Предстоят еще долгие годы упорной борьбы за оздоровление и санитарное просвещение нашей деревни.

II

Переходя к отдельным формам болезненности населения, необходимо отметить полную спутанность представлений крестьян в диагностике заболеваний. Под одним общим названием у них идут самые разнообразные болезни, напр., под излюбленное понятие сибирской язвы включается, как правило, фурункулез, под понятие горячки подводятся тифы, крупозная пневмония, а иногда и лихорадка.

Лекарственные средства и врачебные манипуляции грубо эмпирического характера и поражают своей изумительной необоснованностью.

Наиболее беспомощно население деревни в отношении хирургической помощи. Кровотечение вызывает суеверный ужас и заговаривается почти повсеместно, а средствами для остановки кровотечения являются паутина, наскреб с полотна (корпия), иногда мел, растительная пыль и т. п. Признавая всю необходимость хирургической операции, врачи хирургов продолжают называть живорезами. Глазные болезни являются совершенно непонятными и лечатся самыми разнообразными средствами: рассолом из огурцов и мелким сахаром (сл. Репьевка, Острогож. уез.) и даже промыванием человеческой мочей (Сух. Березовка, Бобровского уез.). Социальные болезни — туберкулез и венерические болезни, широко распространенные, не вызывают того чувства страха, которым сопровождаются эпидемии. Сифилис в деревне распространяется, главным образом, бытовым путем, при чем в Воронежской губернии среднее его распространение до 10%. Самое обычное мнение в деревне относительно сифилиса сводится к тому, что он получается от простуды, и если его называют „дурной болезнью“, то только потому, что он ведет к упорным изъязвлениям, западению носа, зловонному запаху. В некоторых местах наоборот, сифилис считается определенно „стыдом“, и сифилитики стесняются обращаться к медперсоналу, или просят о соблюдении тайны или, наконец, даже обращаются в соседние участки, для того, чтобы не знали односельчане (с. Ясенки, Нижн. уез.). Значительное количество населения лечится от сифилиса заговорами и настоем трав на водке и самогоне. Туберкулез называется удушьем и к числу заразных заболеваний не относится. Туберкулезные больные беспрепятственно заражают пол и окружающие их предметы, так как даже при желании изолировать их от здоровых членов семьи в осенние и зимние месяцы не представляется возможным (одна общая комната в избе). В связи с венеризмом необходимо поставить и вопрос о половой морали в деревне. Триппер, как показатель половой распущенности, выражен в деревне слабо. Бллее пожилые придерживаются точки зрения греховности половых сношений под праздник, посты, а также в среду и пятницу (с. Круглое, Острогож. уезда, и Брянские Липяги, Валуйского уез.). Впрочем, революция нанесла значительный удар бытовым традициям и в области

сексуальных представлений крестьян. Молодежь чувствует себя значительно освободившейся от старых представлений и вступает в половое общение в раннем возрасте с 14—15 лет (Александровка, Бобровского уез.), хотя это—далеко не обычное явление. В деревне сказывается отсутствие мужчин, как результат империалистической и гражданской войны: последнее обстоятельство оказывает влияние на некоторую свободу во взглядах на половой вопрос и в среде более взрослой части деревни. Отмечается даже зачаточное существование деревенских публичных домов или, вернее, домов свиданий (с. Ясенки, Нижн. уезд.).

Из эпидемических форм в настоящее время необходимо отметить распространение малярии. В Воронежской губ. последняя существует, как эндемическая болезнь и хорошо различается населением, живущим по течению болотистых речек. От лихорадки лечатся очень разнообразно: пьют полынь, самогон с перцем, отвар цветов подсолнечника. Кроме этих лекарственных мероприятий в некоторых местах есть обычай пугать болезнь холодной водой, заговаривать болезнь, при чем заговоры носят на груди, написанные на бумажке, как амулет, или наклеиваются на окно, напр., в таком виде: „лихорадка не ходи—Петра нету дома“, (сл. Калач). Иногда бумажку с заговором вешают на ворота. В качестве симпатических средств носят на груди яйцо и пшено из под кулича (77 зерен в течение 12 дней), после чего больной должен пойти вечером на перекресток дорог и там это пшено с'есть (Шуриновская вол., Богучар. уез.). Яйцо носят на груди 6 недель (Воробьевка, Новохоперского уез.). В некоторых местах больные до выздоровления носят на груди землю, взятую на кладбище, при чем непременным условием действительности этого средства является то, чтобы в момент взятия земли больного никто не видел. Иногда вместо земли носят на шее кусочек лягушки (Каменка, Новохоперского уез.). Лихорадка называется „поганкой“, „лихоманкой“ и „трясучкой“.

Внутренние болезни сводятся, главным образом, к болезни живота. Желудочно-кишечные расстройства, кроме лекарственных способов, заговариваются молитвами, бабки „направляют живот“, „выбирают“ его путем своеобразного массажа, подтягивают при помощи горшков и кувшинов, куда бросается зажженная пакля (своеобразные банки на живот (Новохоперский уезд, Воробьевская вол.).

Во время холерных эпидемий женщины в белых рубашках опахивали село сохой (Сух. Березовка, Бобров. уезд.),

а в Богучарском уез.—Таловская вол).—от холеры ели чеснок и мазали нефтью грудь и пятки. Родовспоможение в деревне лежит почти исключительно на бабках повитухах. Акушерская помощь прививалась до сих пор чрезвычайно слабо (до количества одних родов на 2-3 месяца), акушерки занимаются приготовлением порошков и мазей в участковых аптеках, а не родовспоможением. Между тем естественным профилактическим подходом к женщине-крестьянке является следующий метод, который сейчас и проводится в Воронежской губ.: акушерка делает ежемесячные выборки в Сельсовете или в Волисполкоме—в Отделе ЗАГС'а и по составленному списку обследует состояние здоровья, как рожениц, так и детей а также путем еженедельных консультаций в амбулаториях „в дни профилактической медицины“. Только путем приближения акушерки к женскому населению можно будет привить в деревне разумные навыки по родовспоможению и уходу за детьми. При трудных родах бабки-повитухи обращаются прежде всего к небесной помощи: зажигают лампадки и свечи, заставляют молиться детей о том, чтобы мать не умерла, а в некоторых этим занимается и муж родильницы (с. Воробьевка, Новохоперского уез.). Общераспространен обычай открытия сундуков, замков, развязывание узлов и, наконец, открытие царских врат в церкви: все это по аналогии—должно способствовать лучшему раскрытию родовых путей. Купание роженицы после родов очень часто ведет к послеродовым заражениям. Хождение роженицы вокруг стола, тужение и жиление при помощи веревки является очень распространенным. Из оригинальных обычаев послеродового периода необходимо отметить исправление конфигурации головы ребенка при помощи сдавливания его в разных направлениях бабкой, а также облизывание языком ребенка вдоль спины самой роженицей: аналогия с поведением коровы (Калач). Последний обычай имеет место среди украинской части населения губернии: он наблюдался и в Полтавской губ.—(быв. Константиноградский уезд).

Из других лечебных мероприятий можно отметить: лечение зубов, для чего на кариозный зуб кладется табак; лечение детского испуга переворачиванием рубашки задом наперед или выливанием переполоха (испуг): вылитый в холодную воду расплавленный воск должен принять конфигурацию того предмета или животного, которое послужило предметом испуга. Подобный способ лечения имеет несомненно психо-терапевтический эффект.

К этому же роду лечебных мероприятий относится „запекание сухот“ (рахита) — (Острогожский уезд). Диагноз английской болезни ставится чрезвычайно широко: в сущности, под понятие сухот подводится целый ряд болезней желудочно-кишечного тракта, которые ведут к истощению детского организма. Запекание производится бабками, при чем ребенок кладется на лопату, которой сажают хлеб в печку, а в печке разводится легкий огонь. Запекание производится троекратно; после каждого раза ребенок выносится к матери, которая находится за дверью. Психотерапевтический эффект здесь явно отрицательного достоинства: женщине-матери внушается мысль о том, что подобное лечебное мероприятие может принести положительный результат. Ясно, что все лекарственные символические и иные народные мероприятия в области здравоохранения отвлекают внимание от научно-поставленного способа лечения болезней. Борьба с предрассудками, как мы уже сказали, должна быть поставлена во всю ширину своей практической важности. Практическими путями для внедрения научных знаний в деревню уже в настоящее время могут быть следующие, кроме перечисленных раньше:

1) Привлечение к распространению и продаже медикаментов в деревне первичных кооперативных органов.

2) Привлечение к этой же работе Комитетов Взаимопомощи, которые зачастую обладают значительными материальными средствами.

Использование этих двух организаций имеет тот смысл, что, во первых, оно сделает доступными наиболее ходкие лекарства для широкого потребителя, а, во-вторых, привьет разумные навыки в деревне в смысле пользования, хотя бы такими обще-употребительными и распространенными лекарствами, как иодная настойка, аспирин, салициловый натр и т. п.

3) В орбиту санитарно-просветительных интересов должны войти уездные, районные и участковые санитарные К-сии. Комиссии эти организуются с широким представительством, как местных органов власти, так и общественных организаций, следовательно, их работа носит яркий общественно-практический характер. Каждая изба в деревне, каждый гражданин являются объектом воздействия санитарных Комиссий: обследование и изучение санитарных условий деревни немислимо без непосредственного участия этих организаций.

Чисто санитарно-просветительная работа с практическим уклоном проводится через избы-читальни, дома крестьянина и дома санитарного просвещения.

Из своеобразных форм санитарно просветительного подхода к широким слоям населения можно указать, как на образец, на санитарные суды. В прошлые годы литературно-показательные суды были широко использованы для просвещения красноармейских масс и рабочих. Мы считаем, что литературные сансуды могут быть заменены настоящими судебными процессами санитарного характера. Последние в значительном количестве накаплиются в Губсудах, у народных судей и могут быть по праву перенесены слушанием из зал судебных учреждений в залы санитарного просвещения. Это освободит органы здравоохранения от необходимости инсценировок и приглашения артистов, а органам судебной власти даст широкую возможность не только творить суд, но и просвещать деревню при помощи суда. Не может быть двух мнений о том, что самая талантливая инсценировка не может конкурировать с действительностью, а притворные слезы и горе всегда уступят в яркости и выразительности настоящим человеческим страданиям.

Эти практические пути диктуются властной необходимостью текущего момента. Проведение в жизнь санитарно-профилактических мероприятий в деревне—настолько назревшая потребность, что без нее не мыслится, вообще, организация дела здравоохранения. Первое слово в этом вопросе скажут сами работники дела здравоохранения, а второе, не менее важное, жизнь предоставляет сказать политическим и общественным организациям. Оздоровление труда и быта деревни—это проблемы величайшей и неотложной важности в нашей стране.

Проф. Т. Я. Ткачев.

Жизнь работниц на суконных фабриках крепостного времени.

Данных о том, в каком объеме применялся труд женщин на фабриках Воронежской губернии в течение всего 18 века, не сохранилось. Известно только, что в 1736 году всего рабочих без разделения пола на фабриках г. Воро-

нежа было 815 человек, но уже по данным 1797 г. приписных было к фабрикам по губернии 443 мужчин, 427 женщин, покупных мужчин 181, женщин 188 человек; из них на уезд приходилось приписных мужчин 130, женщин 125 человек, покупных мужчин 163, женщин 172 человека; таким образом, покупных было больше женщин, а если учесть, что каждая фабрика эксплуатировала детей, то можно с уверенностью сказать, что перевес был количественный на женщинах и детях и рост постепенного перевеса был на их стороне. Так, фабрика сл. Придачи к 1854 году имела мужчин 300, женщин 352 человека, не считая детей. Этот перевес с одной стороны объясняется наличием большого количества женщин в семействах суконщиков, а главное—значительной дешевизной оплаты женского труда вообще и пониженной стоимостью крепостной женщины против мужчины, при покупке.

Набирались рабочие, главным образом, из естественного прироста, частью из элемента, уклонявшегося от кар суда, и бродячего элемента, последнее явление, повидимому, служило только поводом придрататься администрации, при желании забрать на фабрику, к подходящему случаю; так, в памяти населения сл. Придачи, когда женщину с Чижовки, загостившуюся на Придаче, подвели под данную статью.

Работа шла круглый год, праздничный период имел термин в году „стоднев“, т. е., кроме воскресных дней, считалось около 48 дней разных табельных и церковных праздников, но это не везде соблюдалось.

Работали обычно с 3 часов утра до 9 часов вечера, с перерывом на обед от 12 до 2 часов дня, а в вотчинных фабриках это явление не всегда имело точные нормы; в зимнее время для экономии света распределение выгодного дня шло за счет обеденного перерыва. Такая же была неточность исполнения „стоднева“ и траты времени за день. На вопрос, сколько часов работали, ответ получался простой: „заря вгонит, заря выгонит“, или начинали „соснав“.

На святки будто была льгота на „святые вечера“, но за эти вечера начало работы (Крутогорская фабрика) было установлено с 12 часов ночи.

Труд женщин оплачивался ниже, чем труд мужчин; так, при оплате 14—18 к. за день мужчинам, женщины редко получали больше 12 коп.

Работницы мыли сукно, чистили руно, пряли, ткали, исполняли и другие виды работ. На вотчинных фабриках

на работниц в свободные дни возлагалась и нефабричная работа, и полевая, и домашняя, и хозяев, и администрации. Если учесть, что вся работа по своему дому, заготовки продуктов, варка пищи, шитье, стирка, уход за детьми ложилась всецело на женщину, то не трудно представить себе весь ужас, в котором находилась женщина, раба своего господина—мужа. Рабства более тяжелого придумать нельзя, если к этому прибавить и те же меры наказания, какие царили на фабриках.

На фабриках были обыски. Провинившихся пороли, давали 12—15 ударов плетью. Пороли за все: за плохую работу, за дерзкое обращение с администрацией, за сон на работе; били жестоко, после порки недели 2 нельзя было сесть.

Был случай разлучения матери с детьми в наказание за дерзость.

На вотчинной фабрике женщинам в порке отдавалось предпочтение: пороли не как мужчин лежа, а стоя.

За хищение и проступки на работе отрезали косы и вешали их в конторе.

С другой стороны администрация была безответственна; так, рассказывают случай, когда один приказчик, имевший сожительницу, влюбился в девушку работницу; сожительница узнала про эту любовь и настояла обезобразить девушку; приказчик исполнил просьбу, обернул лицо девушки косой и запалил, девушка обжогам была обезображена. Приказчик никакого наказания не понес. Стремление женщин оторвать от работы время на домашнее хозяйство, прикрываясь болезнью, несло новые наказания, являлся лекарь, который в редких случаях признавал даже действительную болезнь, а явное уклонение от работы влекло за собой порку.

Эти меры наказания считались узаконенными до известной степени: вне порядка существовала брань владельца и его палка.

Радостным моментом на фабрике была песня, серед дня, пели старые народные песни; пели они песню и в тот момент, когда был объявлен манифест об освобождении от крепостной зависимости; песню не кончили, рассказывает ткачиха, и больше не работали, несмотря на разные новые сети эксплуататоров. Фабрикам пришел конец...

Н. В. Валутинский.

Об этнографическом изучении Воронежского края.

„Только кропотливый труд, только черная работа собирания мелких фактов общественной жизни прошлого может дать тот материал, из которого вытекают затем новые широкие выводы обобщения“.

В. Т. Короленко.

I.

Однажды в разговоре со мной академик А. И. Соболевский назвал нашу губернию *счастливой* в отношении ее этнографического изучения: сравнительно с другими местностями России материала по нашей губернии накоплено много.

И, действительно, литература, касающаяся разных сторон жизни нашего края, *обширна*. Так же обширна и литература по этнографии Воронежской губернии.

Статьи этнографического характера разбросаны по самым разнообразным изданиям: журналам (столичным и провинциальным, общим и специальным), газетам, сборникам, альманахам; отдельные издания разных лиц также включают в себе подобные сведения.

Кроме печатного материала, имеется также и материал *рукописный* (архив Географического Общества и др.).

Однако, большинство печатных материалов известно лишь немногим *специалистам*, изучавшим отдельные вопросы, да и до них дошло далеко не все.

В этом в значительной мере виновато отсутствие указателей литературы по всем почти отраслям знания в России — не только гуманитарного, но и прикладного.

В настоящей беглой заметке мне бы хотелось коснуться интересного вопроса о том, что же собственно сделано в данном направлении, кто принимал участие в этой работе и какая работа предстоит в дальнейшем местным пытливым исследователям народного быта.

Ответ на этот вопрос тем более важен, что, во первых, в последнее время нередко стали раздаваться со стороны лиц, заинтересованных в краеведческой работе, по отношению к представителям местного краеведческого общества упреки в том, что ими ничего не делается для популяризации краеведческого знания и что, во вторых, известные выводы по вопросу об этнографическом изучении края вполне приложимы и к другим областям краеведческого

знания-культурно-исторического, естественно-исторического и экономического.

II.

Кто-же участвовал в этнографической работе по нашему краю?

Здесь мы встречаем самые разнообразные имена: собиратель сказок—А. Н. Афанасьев, известный этнограф—П. И. Штейн, цензор-писатель А. И. Никитенко, экономист-проф. Н. А. Карышев, Воронежские писатели и беллетристы: А. В. Кольцов, И. С. Никитин, Е. Л. Марков, Г. И. Недетовский, В. И. Дмитриева, профессора—А. И. Соболевский, Д. И. Багалея, Д. К. Зеленин, А. М. Путинцев, С. Н. Введенский, общественные деятели—Е. П. Ковалевский, А. И. Шингарев, Ф. А. Щербина, местные исследователи: Н. И. Второв, М. А. Веневитинов, Г. Германов, Г. М. Веселовский, этнографы: М. А. Дикарев, К. П. Филатов, Н. В. Малыхин, А. И. Фон-Кремер, архим. Димитрий, прот. Ф. Никонов, Г. Г. Ткачев (ученик местной гимназии)—все они привнесли в сокровищницу этнографической науки ту или иную долю своих трудов и знания.

III.

А что изучено?

Можно насчитать около 500 разнообразных работ (монографий, брошюр, статей), затрагивающих этнографические вопросы. И работы эти касаются различных бытовых сторон: народные говоры и поэтическое творчество; обычаи, обряды, поверья, приметы; предания и легенды; религиозная жизнь, праздники; свадьба, похороны; ведовство, знахарство, народная медицина, клады и кладоискатели; обычное право, хозяйственная жизнь; одежда, постройки; детские игры—все это затронуто в этих работах, но затронуто часто случайно, и если одни стороны народной жизни обследованы сравнительно полно, то другие остаются в них совсем не освещенными.

Материал, правда, собран обширный, но, 1) он *не разработан* до сих пор, 2) и этот материал не обнимает разнообразных сторон народной жизни, так что на основании его еще рано делать „выводы и обобщения“, о которых говорит Короленко.

Более или менее хорошо изучены только говоры Воронежской губернии (капитальные труды Филатова, Дикарева, Зеленина, Путинцева).

Внимательно останавливались исследователи (Щербина и др.) на экономическом, промышленном и хозяйственном быте.

Из отдельных местностей подробнее других и в качественном и в количественном отношении описан только Нижнедевицкий уезд.

По другим уездам и другим вопросам имеются только отдельные работы (Путинцев и др.).

Вот и все!

Целый ряд важнейших этнографических вопросов *не затронут*.

Не обследовано *заселение края* (при чем необходимо иметь в виду церковные летописи и народные предания, часто весьма успешно освещающие этот вопрос) Слабы сведения о религиозной жизни, свадьбе, рождении, похоронах. Почти не затронуты: демонология, знахарство, ведовство, народная медицина.

По вопросам *обычного права* нет сведений об укладе семейной жизни, о выделах и разделах, о праве наследования, владении, собственности (на землю), договорах и обязательствах, о способах землевладения, о переделах земли, купле-продаже, самосудах и т. п.

Из области *материальной культуры*—одежда, пища, постройки, домашняя утварь, самодельный инвентарь совсем почти не обследованы.

Нет сведений о *народном искусстве*, детских играх и игрушках.

Общественные бедствия, пожары, переселения, истребление лесов, нищенство, внебрачное сожителство, разврат и т. п. явления, встречающиеся *на каждом шагу*, не останавливают на себе внимание исследователей быта.

Вот в каком печальном положении находится этнографическое изучение нашего края.

Ясно, конечно, для всякого, что с таким материалом далеко не уйдешь и не только его недостаточно для „широких выводов и обобщений“, но этого материала по многим важным вопросам,—поставленным в береживаемое нами время, так сказать, на повестку краеведческого дня,—просто нет совсем.

IV.

Между тем Воронежский край в этнографическом отношении представляет *большой интерес*: сравнительно поздно заселенный выходцами и сведенцами из самых разно-

образных местностей Европейской России, не затронутый фабричной культурой, живущий по пословице— „что деревня, то обычай“,—он сохранил до сих пор не мало „медвежьих уголков“ со всеми их привлекательными для этнографа сторонами: древняя *былина* (Задонский у.), оригинальная *одежда* с несомненными следами седой старины, старые *обычаи*, своеобразный *семейный уклад*.

Но в быстрой смене современных переживаний жизнь деревни принимает все новые и новые формы и то, что было еще вчера „живой стариной“, сегодня переходит уже в область „*пережитого*“.

Нарождаются *новые люди*, складываются *новые песни*, творится *новая легенда*.

Многое в этой смене рискует *навсегда погибнуть* для науки, оставив в ней незаполненные страницы.

„Было-бы преступлением—говорит знаменитый Адольф Бастиан,—упустить малейшую возможность собирать все, характеризующее духовную и материальную культуру человека“.

А теперь мы именно и можем упустить эту возможность: в нашу деревню со всех сторон идут новые веяния.

Меняются нравы, меняется одежда, меняется говор и вообще весь *внутренний и внешний облик* нашего крестьянства.

И к переживаемому нами моменту более всего применим пламенный призыв великого германского этнографа.

„Документы неизмеримой, незаменимой важности для истории человечества гибнут!

Спасайте, спасайте их, пока не поздно!“

V.

Воронежское краеведческое общество, чутко прислушивающееся к требованиям времени, вполне ясно учло все эти опасности и предпринимает спешную этнографическую работу.

Если в предшествовавшие годы этнографическими изысканиями занимались отдельные его члены (А. М. Путинцев, Н. В. Валукинский и др.), то теперь они об'единились в образовавшейся при краеведческом обществе этнографической комиссии, которая с февраля тек. г. упорно готовится к предпринимаемой ею наступающим летом этнографической экспедиции.

Но, как видно из всего вышеизложенного, комиссии предстоит выполнение труднейших задач.

Однако, вполне научная постановка работ комиссии, благодаря руководству ими опытного в этом деле профес. А. М. Путинцева, позволяет надеяться, что работы ее увенчаются успехом.

Ф. И. Поликарпов.

Крепостные крестьяне Воронежской губ. накануне освобождения.

Задачей данного очерка является изображение фактического положения крепостных крестьян. Следовательно, вопроса о том, как рисовалось положение крепостных крестьян в законе, я касаться специально не буду, а буду говорить об этом лишь вскользь, мимоходом, поскольку это будет связано с теми фактами, о которых идет речь в данном очерке. Конечно, было-бы хорошо прежде всего нарисовать юридическое положение крепостных крестьян, а затем уже и фактическое, но размер данного очерка не позволяет этого сделать. И поэтому приходится лишь сказать, что между юридическим и фактическим положением крепостных крестьян—большая разница. По закону—крепостной крестьянин наделен некоторыми правами, но фактически—он был настоящим рабом своего помещика. Это особенно будет видно из того, что будет изложено ниже...

Материал для данного очерка почерпнут мною из „Сенатского Архива“, находящегося на хранении в Воронежском Гос. музее, из архива б. дворянского собрания и, в незначительной части, из губернского архива и архива б. духовной консистории.

Должен оговориться, что данным очерком далеко не исчерпывается затронутый в теме вопрос.

I.

Произвол помещиков. Положение дворовых, барщинных и оброчных крестьян. Фабрично-заводские крестьяне.

„Нас бьют кнутом, нас мучат палкой,
Дурачат, грабят, как хотят. (Никитин И.):

В этих немногих словах Воронежского поэта Никитина нарисована картина тяжелого положения крепостных крестьян. Тяжело жилось всем крепостным: помещичьим, фабричным крестьянам и вообще всем, кто делался крепостным. Так было в 18 столетии, так было и в 19 ст.—накануне 1861 г. Правительство издавало много разных законов; но чем больше издавалось этих законов, тем положение крепостных все ухудшалось и ухудшалось, ухудшалось уже потому, что росло сознание у крепостных и если они раньше безропотно несли свое „иго“, то теперь они начинают так или иначе протестовать против него. Сама жизнь начинает, так сказать, протестовать против этого „ига“, обессиливая носителей данного ига—помещиков сменой натурального хозяйства денежным. В силу этого помещики всячески старались упрочить свое положение. С этой целью они очень часто са-

мовольно захватывали часть земли, которая им не принадлежала. Часто в таких случаях страдающим лицом являлись однодворцы, у которых соседние помещики отбирали часть земли, выдавая ее за свою. Возникали по этому поводу тяжёлые дела; особенно много таких дел было в первой четверти 19 ст. Напрасно однодворцы пытались доказать свою правоту, напрасно они через своих поверенных подавали протесты на имя государя: все эти дела почти всегда кончались в пользу помещиков. Нельзя не отметить той витиеватости, которой отличались прошения, подаваемые на имя царя; так, напр., в 1818 г. ямщики г. Валуек, жалуясь на помещиков Кузнецова, Жулговского, захвативших часть их земли, в своем прошении чрез поверенного писали: „Св. соборная, апостольская церковь и каждый сын церкви имеют дерзновение к небесной царице, в своих прошениях: тако и аз, последний раб, вопию к тебе, пресветлейший государь, не вверяй нас судьям, но сам заступи и помилуй“¹⁾ и т. д. Но и такое витиеватое прошение, повторяем, не имело успеха: дело кончилось не в пользу ямщиков. Иногда такие дела кончались очень плачевно для однодворцев. Так, напр., помещик Нижнедевицкого уезда поручик Комаровский неоднократно посылал своих крепостных за дровами в лес, который принадлежал однодворцам с. Девицы. Чтобы положить этому конец, девиченские однодворцы, когда крестьяне Комаровского, явившись в их лес, нарубили там деревьев на 14 подвод, захватили всех этих и направились с ними в свое село к выборному для представления в суд. Но когда они поровнялись с хутором Комаровского, то оттуда выскочил сам Комаровский с крестьянами, отбил у однодворцев своих людей с лошадьми и дровами, „а после того бил их всех из своих рук кулачьими и драл за бороды; напоследок, перевязавши всех веревками, привел в свой дом, где также бил их не милостиво и держал в оном целую ночь“²⁾. Но такие „недоразумения“ происходили у помещика не только с какими-нибудь однодворцами: они происходили и между самими помещиками. В 1818 г. возникло судебное дело между помещицей с. Мандровой, Валуйского у., графом Дмит. Борис. Девиэром и майором Сипягиным, жена которого Екатерина имела мельницу на р. Валуге. Сипягин предполагал отнять часть леса у Девиэра. Чтобы решить это дело, из г. Валуек приехал заседатель, который созвал крестьян с приказчиком. Последние показали, что лес всегда принадлежал Девиэру. Сипягин рассердился и, вызвав в сени приказчика, хотел застрелить его. Последний „в ужасе воскликнул гласом отчаяния“, что и спасло его от смерти. Когда заседатель возвращался в Валуйки с приказчиком, Сипягин их догнал и хотел убить приказчика, который скрылся. Сипягин был вооружен двумя ружьями, двумя пистолетами; за плечами у него был лук с стрелами. Сипягин грозил всех убить, хвалился своим луком, „заверяя, что сей лук есть турецкой и одною стрелою можно убить человек двух или трех“³⁾. Таких фактов можно бы привести много и все они говорят о произволе помещиков. В этом отношении особенно выдвинулся помещик с. Пружинок, Задонского у., Бехтеев, который „посадил священника с. Лубны с святыми дарами в цепь“⁴⁾, и Нижнедевицкий помещик Вас. Ив. Харкеевич.

1) Сев. арх., 1818 г.

2) Там-же., 1819 г.

3) Там-же., 1818 г.

4) Там-же., 1827 г.

Харкеевич заслуживает того, чтобы о нем упомянуть отдельно. В 1810-х годах 19 ст. он состоял в должности Нижнедевицкого исправника и прославил себя тем, что брал взятки и так усердно, что в конце концов попал на скамью подсудимых. Следствие выяснило, что он брал взятки баранами, окороками, поросятами, курами, тетеревами, куропатками, перепелами, зайцами, яйцами, разной мукой, водкой и т. д., а также, конечно, и деньгами. Когда у его жены родилась дочь, то на крестины ее он приказал явиться всем сельским начальникам. И те явились и, конечно, „с подношениями“¹⁾. Приведенные факты говорят нам о том произволе, который царил в отношениях помещиков не только к однодворцам, людям свободным, хотя и стоящим ниже их по своему положению, но и в отношениях между ними самими. А если так, то само собою понятно, каков царил произвол в отношениях помещиков к своим крепостным. Необходимо отметить, что владельцы иногда очень оригинальным способом увеличивали количество своих крепостных. Этот способ сводился часто просто к обману, иногда к воровству. Так, в 1812 г. помещик Валуйского у. Ал. П. Дьяков приехал в д. Борисовку, Валуйского у., и, „в ночное время подхватил однодворку Лукерью Авилову, оную усиленно ввез в г. Валуйки и обвенчал за своего человека Якова Зарытых“²⁾. В 1820 г. помещик Задонского у. Бехтеев женил своего дворового Ерофеева на однодворке Екатерине Кулешовой, заверив последнюю клятвою, что после женитьбы Ерофеев будет „вольный“. Клятвы своей Бехтеев не исполнил, так что Кулешова попала в рабство³⁾. Это же самое произошло и с однодворкой Аксиной Слепокуровой, которая, попав в неурожайный год к Задонскому купцу Елецких, была выдана последним за крепостного, которого купец Елецких называл вольным⁴⁾. Подобные факты проходили без особых последствий для владельцев. Но попавший в рабство терял свое человеческое достоинство, переставал быть человеком и делался какою-то вещью, которою можно распоряжаться по своему усмотрению. И вот мы знаем, что попавший в рабство мог быть продан, мог вообще рассматриваться, как материальная ценность и только. Малолетние рабы ценились иногда совсем дешево; так, напр., крепостная какого-то помещика Матрена Петрова в двухлетнем возрасте была продана „ценою за два рубля“⁵⁾. Взрослые ценились дороже. Дворовая девка Ирина Ключева была продана своей госпожей за 250 р., которые можно было заменить 40 руб. и 154 копейками сена⁶⁾. Дворовые и вообще крепостные часто продавались с аукциона. Так, напр., когда у Нижнедевицкого соляного пристава оказался недочет соли, то губернское правление назначило к торгу с аукциона *его дома и людей*⁷⁾.

Нельзя не отметить того факта, что продажа крепостных крестьян, как это видно из печатных объявлений в Воронежск. Губ. Ведомостях (1860 г. № 9), практиковалось даже в июле м. 1860 г., т. е. в буквальном смысле накануне 1861 г.

1) Там же, 1825 г.

2) Там же, 1818 г.

3) Там же, 1828 г.

4) Там же, 1818 г.

5) Там же, 1818 г.

6) Там же, 1819 г.

7) Там же.

Представители капитала, разные купцы, ценили крепостных иначе, чем помещики. Так, 12-летний Семен Бабаков, человек помещика Дим. Красильникова, был куплен Воронежским купцом Иваном Фед. Веретенниковым за 300 р.; в том же году Веретенников продал Бабакова Ник. Яковл. Елисееву за 600 руб., а Елисеев продал Землянскому за 700 р. Этот переход Бабакова от одного владельца к другому кончился тем, что семья его распалась на несколько частей, из коих одна часть находилась у одного владельца, другая—у другого и т. д. ¹⁾ Часто дворяне и крепостные шли в качестве приданого за дочерью владельца. В 1810 г. помещик Землянского у. Чуриков выдал свою дочь за помещика Коротоякского у. Ст. Евдок. Шидловского; в приданое он дал шесть своих дворовых людей ²⁾. Один из семинаристов, Орлов, женился на сестре однодворца Григорьева, который дал ему в „приданство“ своего дворового Дудника. Когда последний достиг совершеннолетия, то Орлов, тогда уже священник, женил его на девице Наталье. Дудник прожил в доме Орлова сорок лет; за это время у него появилась семья, составившаяся из 4 сыновей и 3 дочерей. Когда свящ. Орлову пришлось выдавать замуж свою дочь, то одного из сыновей Дудника он отдал „в приданство“ за своею дочерью, а дочь Ольгу продал помещику Шуринову ³⁾. Я не привожу здесь примеров, как иногда продавались или шли в качестве приданого целые села крепостных крестьян, так как эти примеры: не так ярко рисуют нам тяжелую картину жизни крепостных крестьян. Когда продаются личности, то можно себе представить, какое смятение и разделение происходит в семье: дети отторгаются от родителей и наоборот, семья разбивается и т. д.

В 1827 г. помещик Землянского у., с. Калабина Ник. Богданов продал своих крепостных, семью Ашуркиных, которые ранее были куплены „со всем крестьянским строением, скотом, птицею, имуществом“ и с землею в размере 2 десятин за 1800 р., священнику б. гор. Палатова Вас. Троицкому. Приехав в гор. Бирюч, этот священник семью Ашуркиных разделил на две части: одну оставил за собою, а другую отдал своему брату, Григорию, тоже священнику ⁴⁾. Так распалась семья.

Переходя немного детальнее к вопросу о положении крепостных крестьян, необходимо сказать, что они разделялись на дворовых, барщинных, оброчных и фабрично—заводских.

Дворовые находились в услужении у помещиков и его семьи. Обязанности их были самые разнообразные: одни из них ухаживали за барином, раздевали его, укладывали его спать; другие обшивали его, третьи работали по хозяйству своего барина и т. д. Мы знаем, что некоторые из помещиков хотели иметь среди своей дворни портных, фельдшеров и т. д. Так., напр., помещица Валуйского у. (сл. Коробаново) Екат. Леонт. Радищева отдала в 1831 г. своего дворового Трофима Павлова „для обучения портному мастерству по контракту на семь лет в Москву, через что может быть полезен для себя, а кольми паче владельцу его, да и в случае продажи противу не мастерового гораздо превосходнее может быть желающими куплено“ ⁵⁾. Землянский

¹⁾ Там-же, 1818 г.

²⁾ Там-же, 1825 г.

³⁾ Там-же, 1828 г.

⁴⁾ Там-же, 1827 г.

⁵⁾ Там-же, 1831 г.

помещик Николай Лосев отдал в Петербург „фершельского и парикмахерского цеха мастеру Николаю Ильину в обучение фершельскому мастерству“ своего дворового мальчика Филиппа Смирнова с обещанием заплатить за это 600р. Что за фельдшер получился из этого мальчика, неизвестно: известно только, что так как помещик обещанных денег не платил, то Петербургский надворный суд 4 департамента в 1826 г. решил: деньги с помещика взыскать, в противном случае продать девять душ из его крепостных крестьян ¹⁾).

Иногда дворовые целыми семьями отдавались в науку: так, помещица Авдотья Паренаго в 1831 г. отдала своего человека Шеврыгина с женою и детьми Воронежскому купцу Волкову, „на обучение домашней экономии и разным ремеслам и художествам“. Это обучение сводилось к тому, что Шеврыгин исполнял разные обязанности по хозяйству Волкова, а иногда Волков отдавал его в услужение другим лицам, за что получал в свою пользу от них денежную плату ²⁾. Как жилось дворовым, можно судить по такому факту. В 1852 г. помещик Валуйского уезда Алекс. Архип. Ромашов едва не выпорол „кнутьями“ свою дворовую бабу Феклу за то, что она не выгнала в поле свинью с поросятами ³⁾. И это накануне 1861 г.! Что касается прежнего времени, то там мы наталкиваемся на леденящие душу сцены. Так, в самом конце 18 ст. в Нижнедевицком уездном суде разбиралось дело „колодника Максима Сычева“, который был дворовым Нижнедевицкого помещика Ильи Безбородова. Дело возникло по инициативе самого Сычева, который, явившись в суд, признался в том, что несколько лет тому назад он застрелил свою родную сестру Прасковью, дворовую того-же помещика. Сообщив об этом, Сычев рассказал и о том, как это произошло и почему. По его словам выходило, что помещица Мария Михайловна часто приходила в людскую избу и „без всяких резонов“ сестру его, „привязывая к потолку, бивала жестоким образом при нем кнутьем, а иногда приказывала принужденно оное наказание чинить ему“. Такая расправа довела Прасковью до того, что она стала думать о самоубийстве. Не решаясь сама этого сделать, она стала умолять сделать это с нею его, Максима. Все это кончилось тем, что Максим, свидевшись с сестрою в господском лесу, поговорив с нею о своем житье—бытье, выпив немного вина, пошел в господский дом, взял там ружье и пороху; господ в это время дома не было: они уехали на ярмонку. Зарядив ружье двумя самородными камушками, он подошел к заснувшей сестре и выстрелил ей в сердце. Когда труп застыл, он зарыл его тут-же, в землю.

Этот факт весьма красноречив и никаких объяснений не требует. Правда, помещики выставили своего дворового Максима бором, пьяницей и т. д., правда, суд сослал его на вечную каторжную работу; но факт остается фактом. Шестидесятилетний Максим, мучимый как он говорил, совестью, не мог так клеветать ⁴⁾. Следующая сцена рисует нам дворовых с другой стороны. Эта сцена взята нами из жизни помещика сл. Колыбелки, Острогажского у., штаб-ротмистра Павла Ивановича Тевяшова. Участник Наполеоновских войн, с ранами, с

¹⁾ Там-же, 1829 г.

²⁾ Там-же, 1831 г.

³⁾ Архив двор. собр., 1852 г. № 37.

⁴⁾ Губернатор. Архив., 1794 г.

боевыми отличиями, с заметной гражданской службой, помещик Тевяшов, имея от роду 54 г., попал в весьма трагическое положение: дворовые стали обвинять его в мужеложстве. Было-ли это или нет—в данном случае не это нас интересует. Вся грязь, которая раскрывается или, быть может, выдумывается в этой истории, рисует нам тот разврат, который царил в барском дворе сл. Колыбелки. Молодежь знала о венерических болезнях, быть может страдала ими. Молодежь, сидя без всякого дела в барском доме, изощрялась в составлении разной терминологии, под которой скрывались подробности самого омерзительного свойства: „по девичьи“, „делать кошек“, „клин в рот“ и т. д.—все эти слова, взятые сами по себе, ничего не говорят, но Тевяшовская молодежь вкладывала в эти слова особый смысл, особое содержание, до которого сразу и не дойдешь. Невольно напрашивается вопрос: откуда такая премудрость? От других-ли, или это плод своей доморощенной, не находящей доброй пищи фантазии?! Что-же, однако, делала при помещичьем дворе молодежь? Она должна была одевать и раздевать своего барина, набивать ему трубку, подавать ее и чубук; на сон грядущий она должна была что-нибудь читать или рассказывать своему барину. Барин спал непременно при свете сальной свечи, так как в темноте он не мог заснуть. Свеча, для безопасности, обыкновенно ставилась в таз, и спящий с ним в одной комнате лакей или мальчик обязаны были временами снимать со свечи нагар ¹⁾. Положение дворовых было вообще тяжелым, так как они всегда были на виду у своих господ.

Не легко жилось и барщинным крестьянам. Если прислушаться к голосу помещиков, то на первый раз получается впечатление, что жизнь барщинных крестьян была в общем сносной, „Крестьяне один день работают на себя, а другой на господской“, так говорит приказчик помещицы Берхмаковой. Но сказав это, он сделал очень характерную оговорку: „а иногда по надобности брались и крестьянские дни на госпожу, однако очень редко“. Эта оговорка рисует истинное положение крестьян, которые говорят: „весьма редко давались дни для своей работы и не более, как в неделю один или два дня (в среду и четверг), а кольми паче в рабочее время всегда производили работу прежде на госпожу, а потом по пропусчении времени на себя“. ²⁾ Таким именно образом всегда рисуют свое положение барщинные крестьяне. В 1857 г. крестьяне Нижнедевицкого помещика Плотникова показывали на суде, что у исповеди и причастия они редко бывают „по неимению времени за барскими работами“. Они-же относительно порядка работ показывают, что „работы на барина“ у нас производятся после святой нынешнего года половиной тягловых крестьян, в неделю работает сначала три дня одна половина, а другие три дня другая, прежде же этого мы работали все поголовно почти каждый день, там что на себя приходилось дня по два в месяц работать, а работали урывками, по праздникам же все работали ³⁾. Когда были на господской работе, то работали почти круглые сутки: днем где—нибудь на поле, а ночью около господского дома в качестве караульщиков ⁴⁾ и т. д.

¹⁾ Там-же., 1840 г.

²⁾ Сен. ар., 1819 г.

³⁾ Сен. Арх., 1819 г.

⁴⁾ Губерн. Арх., 1857 г. № 19.

В некоторых местах крестьянам назначалась определенная работа: напр., „на пять человек давалось две десятины с тем, что ежели обработают в один день, то другие дни должны работать на себя“; если же на отработку этих двух десятин окажется мало одного дня, то крестьяне обязаны были отдавать свои дни 1).

За неимением данных затрудняемся указать, сколько земли было в распоряжении собственно крестьян; но в некоторых местах, как, напр., в Нижненевицком у., каждый крестьянин получал на тягло две десятины земли в клину, также землю под огород; сенокос-же у них был общий 2). Барщина была тяжелее оброка. Вот почему в некоторых местах крестьяне очень хорошо вспоминают то время, когда они платили господину своему оброк: тогда они „имели состояние, избы“. Когда же их посадили на пашню и заставили „почти непрерывно производить работу на госпожу“, они пришли в бедность, так что „у многих нет для продовольствия себя и скота хлеба“ 3). В каком размере брался оброк? В некоторых местах он брался в размере „16 р. с души по примеру казенных“, а в других местах по 8 р. с души „по курсу серебром“ 4). Указанные цифры—8 и 16 р.—нельзя признавать незначительными, но тем не менее крестьяне соглашались на них, так как через это они делались более свободными и избавлялись от „отеческой опеки“ своих господ. А какова была эта опека, показывают следующие факты. Коротоякский помещик Ст. Евд. Шидловкий высек своего крестьянина Василия Малышева, который в тот же день и умер. Впрочем, этот помещик был настолько „строптив“, что от него убежала и жена 5). Эту „опеку“ над крестьянами помещики проявляли главным образом через своих управляющих и приказчиков. И те, и другие в этом отношении были очень старательны, так как быть управляющим или приказчиком было очень выгодно. Так, напр., Воронежский 3 гильдии купец, а потом Богучарский мещанин Ив. Филип. Евреинов, будучи управляющим у полковника Вас. Иловайского (в обл. В. Дон.) в 1802—1815 г. г., заработал одними деньгами одну тысячу рублей 6). Приказчик помещика ген-м. Бобылева, в Валуйском, у., в хут. Николаеве, „дворовый человек Василий Лобов“ стал видным человеком в своем округе. Он выдал свою дочь за семинариста Дим. Черницкого, который поступил священником в с. Рождественное. Своего зятя он наделил взятыми из господского двора коровой с годовым телком, лошадью и 2-летним жеребенком; наделил подарками и родственников своего зятя: священнику Брянских Липягов дал корову, три воза дров и несколько штук шелеев, а священнику заштатного города Ливенска дал корову 7). В силу таких материальных выгод управляющие и приказчики опекали крестьян подобающим образом. Приведем два—три примера. Крестьянин помещика Висильчикова (в с. Садовом, Бобров. у.), Евсей Папихов „был наказан приказчиком Михайлою Савичевым за срезание в господском лесе малого количества тонких палочек, употребляемых для делания на борону колец,—от причиненного ему наказания сделался болен и быв испове-

1) Там-же.

2) Губерн. Арх., 1857 г. № 19.

3) Там-же Здесь же, говорится, что 1811 и 1812 г. г. были неурожайные.

4) Сен. Арх., 1831 г.

5) Там же, 1818 г. 1825 г.

6) Там-же, 1826 г.

7) Архив б. Дух. Консистории,—1849 г.

дан и приобщен вскоре затем помер“. Что это было за наказание можно судить по тому, что представлял из себя после этого наказания Евсей: у него „челюсть с левой стороны разбита, на виске от зашиба знак, шея свернута“. Судебное следствие выяснило, что приказчик Михайло Савичев в данном случае был в полном контакте с управляющим этого имения—отставным поручиком Андреем Прянишниковым. Оба они наказывали крестьян розгами, сажали их в рогатки и заковывали в железа. А более „строптивных“ они отправляли в Павлевский у., в с. Кисляй, где держали их „при кирпичном заводе для мяття глины“, причем каждому давали ежедневно лишь фунт хлеба и воды. Напрасно крестьяне жаловались своему помещику на таких своих опекунов: помещик верил управляющему и приказчику ¹⁾ и не обращал никакого внимания на жалобы своих крестьян. Управляющий и приказчик в данном случае действовали в духе своих господ. Известно, напр., что Бирюченский помещик граф Шереметьев (в с. Алексеевке) „за закоренелое упорство“ ссылал своих крестьян в глухую деревню Чириловку, Смоленской губ. Известно также, что Острогжский помещик Костомаров устроил среди своего барского двора деревянную колоду; к ней прикреплялась цепь, которую надевали на шею провинившемуся крестьянину и оставляли его в таком положении на день, и даже на неделю ²⁾.

Помимо управляющего и приказчика, за крестьянами должны были наблюдать бурмистры и старосты. Последние являлись сельским начальством и должны были следить за общественным порядком и тишиной; за нарушение порядка и тишины отвечали они. В 1830 г. крестьяне Задонских помещиков Трухачевых принимали участие в ограблении Московского цехового П. Киселева, жившего близ д. Плещеевой. За это суд постановил наказать их кнутом от 10 до 20 ударов и, „поставя на лицах их штемпельные знаки, сослать их в Сибирь на каторжную работу“. Пострадал и староста: „за то, что он слабым смотрением допустил подведомственных ему крестьян собирать партию разбойников в дом свой, в котором происходил и раздел ограбленному имуществу, наказать плетью 20 ударами..., чтобы он впредь в сельские начальники избираем не был“ ³⁾.

Находясь в царстве плети, кнута и т. д., крестьяне, естественно, грубели, почему мы и можем наблюдать, напр., в их семейной жизни разные ссоры, драки и проч. Так, крестьянин д. Дехтярной, Валуйского у., принадлежащей помещику А. Черткову, Петр Игнатовский во время ссоры так ударил свою жену Гликерью, что она, „упавши на землю, сделалась мертвою“ ⁴⁾. Крестьянка д. Деминой Валуйского у., принадлежавшей граф. Чернышовой, Анна Белокобильская „в небытность в доме своих семейных, причинила малолетним своим детям ножом насильственную смерть: одному, полугодичного возраста грудному сыну родному прорезала живот, из коего вышла внутренность; другому, 2-х летнему, тоже проколола живот и отрезала левое ухо; третьему—племяннику Ивану, 4-х летнему, вырезала левое ухо сверху до половины“ ⁵⁾.

1) Сен. Арх., 1828 г.

2) Игнатович. Помещ. крестьяне накануне освобождения., стр. 229.

3) Сен. Арх., 1830 г.

4) Там же, 1828 г.

5) Там же, 1823 г.

В 1827 г. в Бобровском земском суде разбиралось дело помещицей крестьянки Анны Гайкиной, которая обвинялась „за срубление мужа своего топором до смерти“. В том же году в Бобровском уездном суде разбиралось дело крестьян—Анны Ломовой, Харитины Чернокващенко и Максима Васильева, обвинявшихся в том, что Ломова вместе с Васильевым убила своего мужа, а Чернокващенко,—„в наговоре на платье Ломовой в дачи соли известь мужа“. Нельзя в данном случае не отметить одного очень оригинального факта. В 1810 г. между крестьянином графа Шереметева Яковом Белянским и крестьянином ген.-м. Манькова Грищенко произошла ссора, перешедшая „в жестокий бой“, который закончился тем, что Грищенко был убит. Согласно указа 1805 г. авг. 15, Шереметев должен был отдать Манькову взамен Грищенко Белянского, а если Маньков не пожелал бы принять этого, то Шереметев обязан был дать Манькову „другого человека, не оглашенного в пороках“¹⁾.

Палка, кнут, которыми помещики расправлялись с своими крестьянами, иногда заменялись другими способами воздействия на непокорных и грубых крестьян,—способами, как говорили некоторые тогда, в духе христианской кротости и любви. Этими способами любил пользоваться особенно Землянский помещик—протоиерей Иван Зацепин. У него было сельцо Покровское с 67 десятинами земли и 21 душ крепостных крестьян. Это имение он купил в 1833 г. у Землянского помещика капитана Григ. Гр. Константинова, который после этого сделался его соседом. И вот между этими соседями-помощниками произошли нелады в силу того, что помещик—протоиерей Зацепин отдал крестьян своего соседа в рекруты взамен своих, ухитрился выдать замуж за своих крестьян „трех девок и одну вдову“—принадлежащих Константинову, отобрал у крестьян своего соседа пять лошадей, продал, а деньги взял себе. Выведенный из терпения, помещик Константинов пожаловался на Зацепина, куда следует и вместе с этим доложил, как обращается со своими крепостными Зацепин. От Зацепина потребовали объяснений. И он их представил. Он пишет, что в отношениях с своими крестьянами он всегда руководствуется 9 т. Св. Законов статьями 967, 970 и 971, „нисколько не выходя из границ власти помещика над своими крестьянами“. Он „всемерно“ старается удержать своих крепостных „от худых привычек советами и увещаниями, а в случае продерзостных поступков крестьян содержанием их под караулом на цепи“. Таковы теоретические рассуждения протоиерея Зацепина. А вот и практика, о которой он сам рассказывает в своем объяснении. У него был крестьянин Константин Топченков, страдавший kleptomанией. Об'ектом его деятельности в этом отношении были „жизненные продукты в домах прочих крестьян“. И вот о. Зацепин приказывает отцу этого kleptomана, Акиму Топченкову, не оставлять своего сына „в праздности дома, а брать с собою в поле и для удержания от привычки к воровству продержат его несколько времени на длинной тонкой цепи рядом с собою так, чтобы он и в самом штрафе своем помогал бы отцу своему в работе, подгоняя запряженную в соху лошадь“.

Губернское Правление усмотрело здесь факт жестокого обращения Зацепина с крестьянами и передало это дело Воронежскому дворянскому депутатскому собранию. Последнее вполне согласилось

¹⁾ Там-же, 1820 г.

с губ. правлением и просило предводителя дворянства внушить Зацепину, чтобы он таких мер исправления крестьян на будущее время не употреблял. Но помещик-протоиерей Зацепин не сразу склонил свою голову пред данным решением дворянского депутатского собрания. Он вторично пишет объяснение, в котором более подробно описывает свои отношения к крепостным. Он заявляет, что управляет он „своими людьми в духе кротости и человеколюбия“. А при таком человеколюбивом обращении его с крестьянами..., он, по одному сердоболию своему никогда не употреблял ни розог, ни палок для наказания крепостных людей за вины их; а вместо того старается всегда при небольшом числе всех их воздействовать на совесть каждого виновного, раскрыть в нем собственное внутреннее чувство добра и отвращение от худых дел и вообще приводить их всех недобронравных к исправлению не телесными наказаниями, а нравственными только мерами, по различию личных свойств и виновности каждого, или одними отеческими увещаниями, христианским внушением страха божия или угрозы виновному представить его к суду и расправе начальников или пристыжением пред другими добропорядочного поведения крестьянами“. Но и это все опять-таки теоретические рассуждения, далеко стоящие от практики. Сам Зацепин подтверждает это. Чтобы уничтожить воровство среди своих крестьян, он прибегал к таким мерам: на пойманного вора вешали украденную им вещь или что-нибудь другое, что изобличало-бы его в воровстве. В таком виде он и должен был ходить. Иногда преступника содержали под караулом; иногда-же „под караулом с закованием в железа на цепь“. Все это делалось „на короткое время, чтобы только произвести этим в нечувствительном, закоснелом или еще продерзостном преступнике чувство стыда пред другими, а стыдом вызвать раскаяние и исправление“¹⁾. Все это происходило в 1850 годах.

О положении фабрично-заводских крестьян мы имеем возможность сказать немного. В 1820 г.г. в г. Воронеже в Онуфриевском приходе была фабрика, принадлежавшая Вере Андр. Елисейевой. Эту фабрику муж Елисейевой купил с публичного торгу у поручика Дим. Гарденина. Фабрика была в расстроенном состоянии; при ней были крестьяне. Некоторые из них в 1825 г. стали хлопотать „о вольности“, так как они были родом из духовного сословия. Казенная палата удовлетворила их ходатайство; но Сенат раз'яснил, что „госпожа Елисейева крепостного права себе над крестьянами не присваивает и присваивать не может, ибо люди сего рода, быв приписаны к фабрике, принадлежат не лицу фабрикантов, но заведениям, а вместе с этими состоят у них во владении условном и ограниченном“. На такое раз'яснение Сената крестьяне, Елисейевской фабрики вполне резонно указали, что они в продажу и заклад поступают „по воле фабриканта“, что они исполняют тоже, что и помещичьи люди, „с тем только различием, что сии последние по закону пользуются на господина полугодовою работою, а остальным полугодом для себя, мы же во все течение года заняты одною только фабрическою работою без всякого удела для себя“. Только лишь праздничные дни и болезнь удерживают их „от фабрической работы“. Выход на работу, ее оставление, плата за работу—все это зависит исключительно от фабриканта или его приказчика. Плату за работу они получают на-

¹⁾ Арх. Двор. Собр., 1852 г. № 5.

равне с вольнонаемными мастерами, „но сии последние производят работу в одно только зимнее время, а в летнее оставляют ее и занимаются в домах своих земледельческою работою. И по приготовлении ими всего им к содержанию нужного, из них другие паки возвращаются на фабрическую работу; мы же таковую производим во все годовое время, и из одной своей платы содержим себя с семействами покупкою всего нам нужного, по какой бы цене оное в базаре не продавалось“. Фабричные крестьяне подчеркивают, что они находятся в полной зависимости от своих господ-фабрикантов¹⁾. Из этих разъяснений видно, что фабричные крестьяне всецело зависели от своих хозяев-фабрикантов, для которых они были теми же рабами, как и крестьяне для своих помещиков.

Таково было фактическое положение крепостных крестьян. Как метко охарактеризовала эту тяжесть народная песня словами; „Что в свете человеку хуже сей напасти?“

Как же относилось к этой напасти крестьянство? Ответ на этот вопрос постараемся дать в следующей главе.

II.

Бегство крепостных. Неподчинение их помещику, властям. Бунты крестьянские. Убийства помещиков, „Искание воли“ крестьянами.

Как ни принижены и не забыты были крепостные крестьяне, они, все-таки, разными способами высказывали свой протест против своего положения. Самым простым для них средством в этом отношении являлось бегство от своих господ. Бежали, куда глаза глядят, лишь бы избавиться от своих господ. Но иногда это бегство было организованным; в таких случаях необходимо было без агитации. В 1790-х г. г. „острогояские войсковые жители и разночинцы делали в собраниях народных на ярмонках войсковым обывателям и владельческим подданным ложные разглашения, что будто бы они привезли указ из Москвы такой, чтобы у всех помещиков на землях столбы вынуть, ямы заровнять и земли отнять, а подданным их тем-же указом предоставлена свобода, при нынешней же ревизии записаться в какое кто состояние пожелает.“ Эти, как писал губернатор Сонцев, „в самом существе глухие и всякому благоразумному человеку невероятные, но простым людям соблазнительные внушения“ своим результатом имели то, „что возросли во многих владельческих слободах между подданными съезды, сборища и заговоры и многие из них... чинят из жилищ своих *побеги*, оказывая против помещиков.., упорство и угрозы...“ Особенно остро это оказалось в Бобровском уезде, в вотчине графа Дим. Петр. Бутурлина. Управитель этой вотчины, состоящей из Бутурлиновки „и принадлежащих к ней слобод и хуторов“ Петр Бешенцев об'являл Бобровскому исправнику, „что подданные малороссияне никакого не оказывают ему повиновения.“ Помимо этого, они „сами собою усильно отрешили определенного“ графом в помощь „слободскому атоману для разбору домашних их словесных жалоб“, Петра Шовцева „и на место его выбрали другого по своему желанию“. Иные из этих „ослушников“ в количестве 428 обою пола „явно усиливаясь, забравши семейства свои со всем имуществом бегут войска донского в разные станицы, слободы и хутора“, думая там нав-

¹⁾ Сен. Арх., 1825 г.

сегда остаться, Чтобы вернуть этих беглецов, управитель послал было своих людей; но беглецы встретили этих послов „злодейским оружием и некоторых из тех посыльных смертельно изувечили.“ Другие, оставшиеся пока на местах, видя это, тоже начали усердно думать о бегстве ¹⁾.

Как и когда было прекращено это бегство крестьян из вотчины гр. гр. Бутурлина, неизвестно; но этот факт показателен.

Подобное же произошло и в 1828 г. Крестьяне сл. Пироговой, Бирюченского у., принадлежавшие тогда помещикам Гардениным, решили бежать. Как, куда и когда бежать,—эти вопросы обсуждались на общих совещаниях, в которых деятельное участие принимал местный диакон Поворинский, Последний, впрочем, преследовал корыстные цели: за 750 р. он доставил некоторым крестьянам фальшивые отнужденные от помещиков Гардениных. Но из всех крестьян успели убеждать только десять человек, так как староста во время успел предпринять соответствующие меры и донести Бирюченскому земскому суду. С беглецами и заговорщиками было поступлено со всею строгостью закона. Беглецы были наказаны так: мужчины получили по 25 ударов, а женщины по 15; а остальные, заговорщики получили по 20 ударов. Одиаконе Поворинском, который сознался, что он делал „тайные сходки“, было сообщено в духовную консисторию ²⁾.

Но особенно явным протестом против крепостного права со стороны крестьян было открытое их неподчинение помещику, властям, которые старались разными мерами внушить крестьянам быть послушными своим господам. Таких примеров можно привести много.

Из них можно усматривать, что это неподчинение очень часто выливалось в открытый бунт. И не смотря на то, что этот бунт подавлялся властями самым беспощадным образом, крестьяне, тем не менее, шли на этот путь. Очевидно, жилось им весьма трудно. Иногда свой протест против крепостного ига крестьяне проявляли тем, что убивали помещика, или управителя, или старосту, если помещика не было на лицо в имении.

Из случаев открытого неподчинения крестьян своим господам приведем несколько.

Впрочем, необходимо заметить, что под словом „неподчинение, неповиновение“ понималось тогда и то, когда крепостной, осознав себя хотя-бы до некоторой степени, не позволял издеваться над собою. Так, напр., в 1857 г. Нижнедевицкий предводитель дворянства помещик Петр Ант. Плотников жаловался губернатору на своего крепостного Андр. Ласкина, который „выходя из повиновения, решился делать дерзости господину, так что когда господин хотел его наказать в присутствии других крестьян, то он крикнул им: „пойдемте по домам!“ И все разошлись. Он же, Плотников, сообщает тому же губернатору о другом своем крестьянине Андрее Иванове, которого управитель и бурмистр взяли „на господский двор“, чтобы отправить его к приставу. Когда об этом узнали крестьяне, то они, явившись туда с дубинками, отняли арестованного Иванова и предложили сельскому начальству выйти с господского двора ³⁾. Из этих фактов еще

¹⁾ Гос. Музей. Разрозненные. дела 1795 г.

²⁾ Сен. Арх., 1831 г.,

³⁾ Губерн. Арх., 1859 г. № 19.,

не видно, какова была расправа с „бунтовщиками“. Но вот другие примеры.

В с. Березовом, Нижнедевицкого у., крестьяне (в 1810-х г. г.), принадлежащие тогда помещице Татьяне Редкиной, оказали „неповиновение.“ В чем заключалось это неповиновение, неизвестно; известно только, что главными зачинщиками этого неповиновения оказались сын и отец Шелаевы—Игнат и Григорий. Много неприятностей они причиняли своей госпоже: так, напр., Игнат Шелаев даже доносил на свою госпожу в уездный суд, что она скрывает своих крепостных крестьян и не заносит их в книги. Подобные факты были достаточны для того, чтобы взять этих братьев под большое сомнение. Когда крестьяне под влиянием речей Шелаевых заволновались, управляющий помещицы Порфирий Коренев, за которого она вскоре вышла замуж, поспешил сообщить об этом в Нижнедевицкий земский суд. И члены этого суда постарались скорее ликвидировать это дело. Не снесшись с начальником губернии, как следовало бы поступить, они ввели в это село „воинскую команду и сделали 23 человекам батожем наказание“. Это наказание, как объяснили члены суда, произведено крестьянам для скорейшего их укрощения в возмущении легко прутьями,“ но следствие выяснило, что тут по крестьянским спинам гуляли не прутья, а „толстые батоги,“ которыми пороли крестьян „от 4-х человек солдатами“. Воронежская губ. палата уголовного суда, оштрафовав членов Нижнедевицкого суда и секретаря за самоуправство в пользу казны на 150 р., в свою очередь вынесла такое решение: „в страх другим наказать его (Игната Шелаева) при собрании всех однопочинников плетью 35 ударами и потом за превосходством лет как его, так и отца его Григория Шелаева, способствовавшего ему в возмущении крестьян, сослать в Сибирь на поселение“, а прочим крестьянам „внушить, чтоб они возлагаемую на них обязанность... выполняли безропотно в точности, в противном же случае и они подвергнутся подобному наказанию“¹⁾.

Более резкое и определенное неподчинение своим помещикам проявили крестьяне с. Форостанки, Борисовки тож, Коротоякского уезда. Они принадлежали Борису Матв. Семенову, от которого перешли к его племяннику Мих. Сем. Шатилову с тем, чтобы по смерти его, „ежели у него не останется детей“, всем им была предоставлена свобода. Шатилов умер бездетным, но вместо свободы крестьяне получили новых господ—сестер Шатилова: майоршу Осипову и прапорщицу Леонтьеву, которые продали их Никандру и Василию Жуковцовым. Но когда явились эти новые господа, крестьяне их не признали: „все единогласно отозвались, что они помещиков Жуковцовых за своих господ не признают“. Напрасно их уговаривали, просили дать подписку в том, что они впредь до решения о них в Сенате „будут в повиновении“: они твердо стояли на своем. Даже больше: они засеяли клин земли, принадлежащий помещикам, потравили в некоторых местах озимый хлеб... сенокос на лугах и на степи также потравили своим скотом. Ни земский суд, ни земская полиция, ни воинская команда,—никто и ничто не могло усмирить крестьян²⁾.

В результате такой стойкости, крестьян было, по постановлению палаты уголовного суда, следующее: „семь человек прогнаны каж-

¹⁾ Там же, 1836 г., 1836 г.

²⁾ Сян. Арх., 1818 г.; 1819 г.

дый сквозь строй шпицрутен через 875 человек, а пять наказаны плетью, пять сосланы в Сибирь на поселение, а часть находится в Коротоякском тюремном замке“.

С таким же неподчинением крестьян своему помещику мы встречаемся и в Валуйском уезде. В 1814 г. в этом уезде умер помещик Карабанов, которому принадлежали крестьяне в количестве 600 душ в с. Карабановой и дер. Новопетровке. Наследниками его явились внуки, которые поручили управлять этой слободой и деревней своему управляющему Казачкову, который скоро женился на одной из них. Казачков так начал „управлять“ что скоро все крестьяне, „соединились все вкупе“, возмутились и не стали признавать своих господ. Для расследования этого дела губернское правление откомандировало чиновника Насонова. Этот чиновник, приехав в Карабановку, созвал в селе крестьян на сходку; на его вопросы о причинах неповиновения они, не желая отвечать по одиночке, все единогласно кричали, что наследников покойного Карабанова за законных владельцев они не будут признавать, так как они их разоряют. Чтобы учинить надлежащий допрос, Насонову пришлось при содействии военной команды брать каждого под караул и допрашивать. Картина скоро выяснилась: Казачков их разоряет—он назначил оброк „с тягла до 35 руб. деньгами; сверх того брал со онаго коровами, овцами, хлебом, овсом, коровьим маслом, салом, гусиным пером, холстом и плодами“. Кроме этого открыл настоящую торговлю крепостными: продавал и в одиночку, и целыми семьями; выводил крепостных в другие села и т. д. Торговлю крепостными повел так широко, что даже в то время, как над ним производилось следствие, в Карабановку приехали „купцы“ за крепостными. Хотя Казачков был отстранен, но крестьяне продолжали стоять на своем и лишь в 1821 г. „предпринятыми начальством мерами были усмирены и приведены в должное послушание“. Эти меры в конечном итоге свелись к следующему: „Мая 17-го сделано уже наказание из неповиновующихся крестьян пяти человекам кнутом и 18-ти плетью и первые отосланы в Сибирь на поселение, прочим же всего 72 чел. двукратно делано внушение со священническим увещанием, дабы они пребыли у помещиков своих в должном повиновении; но по оказанному ими непокорству—проводимы были к тому полицейским наказанием; почему из них 43 человека согласились повиноваться, кои и отпущены в жительство, а 29 остались непреклонными к повиновению“. Последние препровождены в рекрутское присутствие для освидетельствования годности в рекруты“¹⁾.

Такая жестокая расправа не устрашала крестьян, и мы видим, что почти ежегодно в пределах Воронежской губ. вспыхивают такие или иные недоразумения между крестьянами и помещиками. Страдающим лицом всегда являлись крестьяне. В основе всех этих недоразумений лежало одно желание—освободиться от помещиков, и настолько сильное, что ни плети, ни батоги,—ничто не могло потушить этого желания: крестьяне были согласны на все. В этом отношении интересным является следующий факт, относящийся к 1855 г. Это время, как известно, является временем Крымской войны. Составлялись и читались разные манифесты, воззвания, одно из которых, принадлежащее Синоду, было прочитано по церквам и послужило толчком к волнениям

¹⁾ Сен. Арх., 1831 г. и 1818 г.

среди помещичьих крестьян Бобровского уезда. Крестьяне, принадлежавшие помещикам—гр. Левашову, гр. Орлову, Тулиновым, Звегинцевым и др., под влиянием этого воззвания, бросили свои и господские работы и решили поступить на военную службу. Для этого они намеревались все вместе явиться в Воронеж к губернатору. За ними потянулись крестьяне и других помещиков—Шлихтияга, Смирнова, Станкевича, а также и некоторые государственные крестьяне. Напрасно заведывающие этими имениями, а также и местная власть старались отклонить крестьян от этого намерения. Они оставались при своем, чем особенно приводили в сильное негодование Бобровского исправника Петровского. В своих письмах к Бобровскому предводителю дворянства Тулинову он иначе и не называет этих крестьян, как „подлецами“, которых надо пороть: „Ради бога похлопочите у губернатора, чтобы он приказал Московских хохлов хотя не всех, а человек 25 отпороть, ведь вы не знаете, что такое это за народ; если же отпустят ни одного не наказавши, то с ними и черт не сладит; он, т. е. хохол смирен до тех пор, пока не азарится, а придет в азарт ничего не сделаешь... если вздуют несколько человек, присмирят все.“ Крестьяне находили поддержку, как пишет тот же исправник Петровский, „у попов“: „Наделали Бобровского уезда попы дела: люди из помещичьих имений идут толпами. В Мартине поп служил молебен и проводил беглецов.... с крестом в руках за три версты“... И опять „ради бога употребляйте ваше влияние, чтобы пороли крестьян в Воронеже и присылали их с перебритыми головами“... Вообще, исправник Петровский, чувствуя свое бессилие остановить это крестьянское движение, опасаясь, как бы его сиятельство не прогнали его со службы, нападает не только на попов, но и на какого-то „злодея Алексея Погребенщикова“, который является главным руководителем этого движения, также на „юношу Суворина 1)“, которого обещается сильно „лупить“, если он явится в Боброве, „за то, что он больно красноречиво пишет“.

Особенно рьяными в этом отношении оказались крестьяне сл. Масловки и деревни Анновки, принадлежавшие Звегинцевым. Бросив работы, они, и особенно молодежь, стали целыми толпами „ходить по домам“, стали жить вместе, „как товарищи охотники“. В начале июня некоторые из них в количестве 70 человек явились к тогдашнему Воронежскому епископу Иосифу и начальнику губернии. Что за встреча произошла между ними и как велась беседа, неизвестно. Начальство отпустило их с миром, подумав, что они „увлечены чувством патриотизма“; в силу этого было сделано даже распоряжение, чтобы этих крестьян не подвергать „каким-либо наказаниям.“ Вернувшись домой, крестьяне, однако, продолжали стоять на своем. Тогда снаряжена была целая комиссия в составе Бобровского предводителя дворянства, Бобровского исправника и Бобровского соборного протоиерея Андрея Хреновского. Эта комиссия обязана была привести крестьян в полное повиновение поставленным над ними старостам, бурмистру и главноуправляющему. Но эту комиссию никто из крестьян не слушал. При этом выяснилось очень характерная подробность, о чем писал и раньше Бобровский исправник Петровский Бобровскому предводителю дворянства Тулинову: оказалось что в данном случае крестьяне являются такими настойчи-

1) Суворин—впоследствии редактор и издатель газеты „Новое время“; уроженец Бобров. у.

выми не в силу своего патриотизма, а в силу следующего соображения: кто-то им натолковал, что если кто из них прослужит на военной службе девять месяцев, тот перестает находиться в крепостном состоянии¹⁾. Таким образом, люди шли на военную тяжелую тогда службу, соглашались подставлять свою грудь под неприятельские пули и т. д., и все для того, чтобы получить желанную свободу.

В 1850-х годах в Задонском уезде, в имении графа Апраксина произошел настоящий крестьянский бунт. Это имение состояло из деревень—Черниговки, Муравляной и Вшивки, (Васильевка и Алексеевка). Брожение там началось еще с 1844 г., когда умерла бездетная владелица этого имения Муравьева. Крестьяне думали, что они перейдут в казну, но явился новый владелец—граф Апраксин племянник Муравьевой.

Желание крестьян не сбылось: они опять—помещичьи. Но желая добиться своего, они стали действовать: избрали нескольких уполномоченных и поручили им вести свое дело, т. е. добиться того, что они не могут принадлежать Апраксину, так как прежняя владелица их умерла бездетною. В 1850 г. в это имение приехал сын графа Федор Степанович с молодой женой. Он решил созвать к барскому дому всех своих крестьян, чтобы угостить их обедом. Все явились, за исключением Черниговцев, которые не явились, думая, что граф „хочет руки отбирать в согласии их быть крепостными“.

Граф был этим сильно оскорблен и решил наказать непослушных. С этою целью он приказал дома и семейства тех крестьян Черниговки, которые являются уполномоченными, перевести в Муравляное. Когда приступили к ломке первой избы уполномоченного Корчинова, то явились крестьяне в количестве 500 человек, вооруженные кольями, с криками: „не дадим ломать! Всех перебьем!“ Рабочие, хотя с ними был и становой, бросились бежать. Покинул имение и напуганный Апраксин. Для расследования этого дела военным губернатором была назначена особая комиссия, которая ничего не могла сделать: ее крестьяне не слушали и знать не хотели. Тогда приехал сам губернатор с батальоном солдат, с чиновниками, понатыми. И началось... Крестьяне были созваны на площадь к церкви; здесь же были выстроены и солдаты. Губернатор обратился к крестьянам с вопросом: „чьи вы?“ Все закричали: „обмершие!“ (т. е. что у них помещика нет). После этого появился ворох розог, размоченых в солевой воде: началась экзекуция. Каждого крестьянина брали четыре солдата, секли в 4 руки до тех пор, пока он не скажет, что он—графа Апраксина. Экзекуция продолжалась три дня. Крестьяне были приведены „в послушание“,—хотя главные их вожди еще долго скрывались. Граф Апраксин решил и с своей стороны наказать бунтовщиков: около 200 душ, исключительно из Черниговки, он продал на вывод, без земли, разным отдаленным помещикам, а 100 душ переселил в другое свое имение²⁾.

Таковыми мерами приводились крестьяне в послушание. Естественно, конечно, что к своим господам они чувствовали ненависть, а если прибавить к этому еще и то, как в обычное, так сказать, мирное время обращались с ними помещики, то станет вполне по-

¹⁾ Архив двор. собр., 1855 г. № 40. и архив Тулиновых в госуд. музее.

²⁾ Рукопись „Бунт“, хранящаяся в Воронежск. Гос. Музее.

нятым та жестокость, с которою крестьяне при случае расправлялись с своими господами и их верными слугами—приказчиками и управителями.

В 1818 г. разбиралось в Сенате дело крестьян помещицы Берхановой (Бобр. у.), которые так „поучили“ приказчика своей госпожи, что он вскоре и умер. До этого довел их сам приказчик своим безчеловечным отношением. У крестьян крайне ощущался недостаток в хлебе: они просили приказчика Ивана Челюканова или дать им хлеба из господских запасов, или отпустить их куда-нибудь за хлебом. Приказчик ни того, ни другого не сделал. Тогда крестьяне, измученные работой, голодные, решили бежать куда-либо для работы. Но потом это решение было отклонено: решено было „приказчика проучить“, т. е. побить. В это время последний был с ними на сенокосе и всячески их подгонял. Когда закончился трудовой день, когда „заговорщики“ увидели, что все заснули, они, в количестве 12 чел., пошли к телеге приказчика и, „подойдя к оной, все ухватились за него и вытащили из телеги. Сдернув с него сапоги и портки, зачали бить кто чем попало: некоторые кнутьями, а некоторые поленьями и палками, приговаривая: ты нас безвинно бьешь и с голоду моришь, а избиваемый кричал: „Батюшки мои!“ Прекратив „ученье“, они ушли к своему табору; легли и заснули. Утром они подошли к избитому приказчику, который просил их отправить его к господскому дому. На пути туда он и скончался. За такую расправу крестьяне были присуждены к следующему: „наказать в г. Воронеже кнутом, дав каждому по 50 ударов и поставив на лице их знаки на лбу В., на щеках—на одной О, на другой—Р., без вырезания ноздрей, по закованию в кандалы, сослать в каторжную работу в Нерчинск вечно“¹⁾.

В 1828 году был убит управляющий вотчиною Сиверцова в с. Петровском, Бобров. у., Яков Покидов²⁾; в том же году был убит помещик Острогж. у., сл. Юрасовки, Иван Костомаров³⁾; в 1852 г. был задушен своими дворовыми помещик Валуйского у. Ал. Архип. Ромашов⁴⁾, и т. д. В виду того, что помещик Иван Костомаров является отцом известного историка Николая Ивановича Костомарова, остановимся немного подробнее на этом. Мы можем судить, как относился к своим крепостным Костомаров, если вспомним, что среди его двора была устроена колодка, на которую сажали провинившихся крестьян. Женился он на своей дворовой Татьяне Мыльниковой, которую „он нисколько не уважал, и содержал в особом флигеле..., строго, и она ни в чем воли не имела“. Одна из крестьянок даже показывала на допросе, что нелады между Костомаровыми доходили до того, что Костомарова говорила, как передавал ей повар, следующее: „я бы тому коню, который убил моего мужа, копыта озолотила“. Ко всему этому необходимо прибавить и то, что иногда Костомаров имел при себе большие деньги. В конечном итоге мы видим, что 14 июля Костомаров был убит. Первоначально, это убийство было объяснено тем, что Костомаров убился, когда его понесли лошади. В силу этого Острогжский земский суд заключил: „случай смерти Костомарова предать воли божией.“ Но чрез пять лет, в 1833 г., это дело опять возникло по предписанию губер-

1) Сен. Арх., 1819 г.

2) Там-же, 1828 г.

3) Там-же, 1828 г. 1835 г.

4) Арх. Двор. Собр., 1852 г. № 37.

натора Бегичева. Следствие выяснило настоящую картину: Костомаров убит своими крестьянами, из которых главными виновниками являются Савелий Иванов (63 л.), убивший Костомарова, и Степан Мыльников (36 л.). Сенат приговорил первого наказать кнутом десятью, и второго пятью ударами и сослать в Сибирь в каторжную работу.

Согласно указам правительства, напр., от 1820 г. 23 февраля, от 1824 г., крепостные крестьяне по разным мотивам могли искать себе вольности. Такое право было предоставлено, напр., тем из них, кто происходил из духовного сословия, кто находился во власти лиц не дворянского происхождения и проч. Этим правом многие крестьяне воспользовались: возникло по этому поводу много дел. Интересно отметить, что эти дела иногда затягивались на целые десятки лет. Так, напр., крестьянин помещика Нижнедевицкого у. Ешина „Фетис, по крестному отцу Губанов“ в 1820 г. подал в Нижнедевицкий уездный суд заявление о вольности; возникшее по этому заявлению дело настолько затянулось, что еще в 1831 г. оно не было решено¹⁾. Естественно, что владельцам невыгодно было лишиться бесплатной рабочей силы. Чтобы удержать эту силу при себе или если и лишиться, то лишиться не бесплатно, владельцы допускали, можно сказать, все. Приведем несколько примеров. Крестьянин Степан Ашурков, принадлежавший священнику Григорию Попову, согласно указа от 1824 г., стал хлопотать о вольности. Дело затянулось и пока оно решалось, Степан Ашурков с семейством был продан за 800 р. армянину Никиеву в Кизляр²⁾.

В 1826 г. крепостной гр. Воронцова (из сл. Воронцовки, Павловского у.). Иван Щербаков стал просить за своего брата, который подал прошение о вольности. За это он был наказан плетью (50-ю ударами) и сослан на поселение в Тобольскую губернию³⁾.

Приблизительно в то-же время дворовый человек Воронежского купца Ив. Мих. Титова, Михаил Кондр. Мешков подал просьбу о свободе. Титов, узнав об этом, пригласил и себе частного пристава Мещанской полицейской части Дегтева, который, явившись в дом Титова в 10 час. ночи, позвал Мешкова и его брата Ивана в хозяйские покои и при нем же Титове „причинил им жестокой побой, якобы за слушание их и неповиновение тому Титову“. Затем он отправил этих дворовых в часть, где они и ночевали, а на другой день заставил их „как законопреступников чистить по улице близь дома Титова снег и навоз“. На третий день они были отпущены; но когда они явились в дом Титова, там были уже приготовлены сани, в которые были посажены они и их семья и „за караулом полицейских служителей были отправлены с фабричными мастеровыми в г. Острогжск, где были переданы, помещику Тюльпину⁴⁾. Так кончались хлопоты крепостных, желающих получить свободу.

Впрочем, некоторые добивались своего. В данном случае отметим фабрично-заводских крестьян. Освободившись от крепостной зависимости, они попадали или в посадские, или в цеховые, а некоторые из них и в духовные, если их предки были духовные. Но прежде чем записаться в то или иное общество, казенная палата предписы-

1) Сен. арх. 1931 г.

2) Там-же 1827 г.

3) Там-же 1826 г.

4) Там-же, 1829 г.

вала городской думе „дознать“: желают ли цеховые или посадские принять их в свое общество. И если на это получался положительный ответ, который должен был выразиться в особом приговоре, казенная палата и записывала бывших фабрично-заводских в то или иное общество. Относительно желающих поступить в духовное сословие запрашивалась дух. консистория.

Как бы лица, заинтересованные в крепостном праве ни старались еще больше укрепить его, чувствовалось, однако, и сознавалось, что этому рано или поздно будет конец, тем более, что экономический ход жизни сам должен был уничтожить это крепостничество. Это прекрасно учитывали некоторые помещики и поэтому сами отпускали на свободу своих крепостных. Так сделал Валуйский помещик д. ст. сов. Андрей Александрович Петрово-Соловово в 1804 г. Он был одним из видных помещиков: ему принадлежали крестьяне в следующих сел. Валуйского у.: в Никитовке—20 чел. великороссиян, Николаевке—1, в Никитовке слободских 1870, Николаевке с хуторами—2859; Валуге—127, Ровном—124, всего 5001 крепостных.

Помимо указанных слобод, ему принадлежали хутора—Ромашовка, Артеменков, Гвоздиков, Деркульский, Колотов, Попаснов, Курбаков, Хусанов, Татаринев, Александровский, Пристен, Кутагин, Жабский, Ерицынин, Становой, Середний, Ногин, Ковалев, Малашеев, и Ровный. Все эти владения достались Петрово-Соловово от д. тайн. сов. и кавалера князя Бориса Никитича Трубецкого.

В 1804 г. Петрово-Соловово отпустил всех этих своих крестьян в количестве 5001 души, „вечно и потомственно от крепости“, от всех помещичьих повинностей натурою и деньгами. За такое освобождение крестьяне обязаны были уплатить помещику в течение 17 лет 1.500.000 р. без процентов. До окончательного расчета Петрово-Соловово оставляет за собою винокуренный завод при сл. Никитовке, на р. Полатовке, с 20-ю десятинами земли и мельницу, а из дворовых—4 крестьянина. Вся остальная земля, более 60 тысяч десятин, переходит крестьянам. Не лишним будет отметить, как крестьяне решили делить землю между собою. В течение первых 4-х лет они будут делить землю не по числу душ, но по мере уплаты от каждого семейства в общую сумму, „дабы с одной стороны маломущие крестьяне, кои вносить будут суммы малые, не оставили участков своих впусте, а с другой, чтобы достаточные крестьяне, кои для общей пользы будут вносить суммы большие, за взнос сей вместо неимущих, не остались без соразмерного платежа их удовлетворения. А затем будут делить землю на участки по душам по общему мирскому согласию и производить оное постепенно и уравниательно“.

12 апреля 1804 г. Александр I положил резолюцию на докладе об этом; „быть по сему. Александр“¹⁾.

Таково было фактическое положение крепостных крестьян в пределах нашей губернии, насколько это нам удалось узнать в наших архивах.

Т. М. Олейников.

¹⁾ Там-же 1804 г.

К биографии Н. В. Станкевича.

Станкевич и Тургенев.

Нельзя считать достаточно выясненной внешнюю историю знакомства Станкевича с Тургеневым, хотя она и представляет собой исключительный интерес, ввиду несомненного влияния Станкевича на Тургенева и ввиду того, что сам Станкевич и его кружок не раз воспроизводились Тургеневым в его повестях и романах („Несчастливая“, „Рудин“, „Андрей Колосов“, „Гамлет Щигровского уезда“). Из материалов, освещающих личные отношения этих двух замечательных людей сороковых годов, нам известно сравнительно немного: „Записка“ Тургенева о Станкевиче (1856 г.), его письмо к Т. Н. Грановскому о смерти Станкевича (1840 г.), воспоминания Я. М. Неверова о Тургеневе и несколько строк, посвященных Станкевичем Тургеневу в его „Переписке“. Между тем, одно время, особенно в Риме (1840 г.), между ними были довольно близкие отношения, велась переписка, на которую оба они намекают в своих письмах. Отрывки писем Станкевича к Тургеневу приводятся последним в упомянутом письме его к Грановскому и, кроме того, некоторый материал дают три письма Тургенева к Станкевичу, относящиеся к римскому периоду его жизни, которые сохранились в архиве Станкевичей, в Московском Историческом музее. Эти три письма и приводятся нами ниже.

Остановимся сначала на некоторых фактах, связанных с историей появления этих писем.

Тургенев был не совсем прав, когда в „Записке о Н. В. Станкевиче“ начало знакомства с ним относил ко времени своего приезда в Берлин, т. е. к осени 1838 года¹⁾. Записка, составленная через 18 лет после этого (1856 г.), не могла обойтись без хронологических неточностей. На самом деле, первую встречу со Станкевичем следует отнести еще к университетским годам (1833-1834). Об этом говорит прежде всего сам Станкевич, который в письме к родителям из Эмса, относящемся к 30/18 июня 1838 г., пишет: „Проездом был здесь Тургенев, которого я знал в Московском университете и который кончил потом курс в Петербурге. Они с Розеном прибыли на сгоревшем пароходе, были свидетелями того ужасного и неслыханного происшествия, кончившегося, можно сказать, довольно счастливо“²⁾. И слова Станкевича находят себе подтверждение не только в том, что Тургенев еще в университете был знаком с одним из членов кружка, поэтом Ключниковым³⁾, но и в том, что некоторые из эпизодов кружка, а также некоторые из его членов (Ключников, Красов, сам Станкевич) дали ему материал для художественных произведений⁴⁾. И так первая встреча произошла в 1833-1834 г., в Московском университете⁵⁾. Вто-

¹⁾ См. „Русские Пропилея.“ т. III. С. Тургенев. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М. 1916. Стр. 133 и сл.

²⁾ Переписка Н. В. Станкевича. М. 1914, стр. 64.

³⁾ Н. Л. Бродский. Поэты кружка Станкевича, „Изв. отд. рус. яз. и слов“.. 1912 г. т. XVII. кн. 4-ая. Пет. 1912, стр. 58.

⁴⁾ Там же, 58-70 стр.; ср. также эпизод с Почекой („Переписка, стр. 245-247“) и рассказ Тургенева „Несчастливая“.

⁵⁾ О времени пребывания Тургенева в Московском унив. см. у Тихошарова. Собр. соч. М. 1898 г., т. III, ч. I., стр. 585-602.

рая—в июне 1838 года, в Эмсе. В третий раз они сошлись уже в Берлине, куда Тургенев приехал в мае 1838 года, а Станкевич в первых числах октября того же года. Если принять во внимание, что в начале 1839 года Тургенев уже уезжает в Россию, то весь этот период их знакомства охватывает три-четыре месяца¹⁾. В Берлине, куда Станкевич приезжает уже во второй раз, вокруг него образовался небольшой кружок, до известной степени, заменявший ему почти распавшийся к тому времени Московский. В состав этого кружка входили некоторые из бывших членов, в том числе Я. М. Неверов и Т. Н. Грановский, а также некоторые из новых друзей Станкевича, проф. Вердер, Фроловы, и, повидимому Тургенев. Об этом говорит, между прочим, Неверов в своих воспоминаниях о И. С. Тургеневе: „В Эмсе я познакомился с Тургеневым Иваном Сергеевичем, который, по окончании курса в России, также отправился в Берлин, так что наш кружок увеличился еще одним лицом. По возвращении в Берлин мы не могли найти такого помещения, какое имели прежде, а потому каждый поместился на особой квартире, и при этом Тургенев несколько времени жил вместе со мною, а потому также принадлежал к нашему кружку, как добрый приятель; но, кроме того, я познакомил его с Варнгагеном и с фрейлейн фон-Сольмар; следовательно, кроме нашего кружка, он находился в Берлине также и в высшем немецком интеллигентном обществе“²⁾. В кругу всех этих лиц мы встречаем Тургенева и в его собственных воспоминаниях, при чем однако, по его словам „Станкевич не очень-то жаловал его“³⁾.

Не совсем ясен следующий за этим момент, до вторичной поездки Тургенева за границу. Невольно, однако, останавливает на себе внимание одно из писем Станкевича Грановскому (14 июня 1839 г.), в котором он просит его отвечать „на имя Тургенева, в Берлин, pour remettre à M-r Stankewitch“, заставляющее предполагать обмен письмами⁴⁾.

Наконец, в четвертый и последний раз они встретились уже незадолго до смерти Станкевича († 24 июня 1840 г.). На этот раз между ними завязались более тесные отношения, не перешедшие однако, в дружбу. „В Риме, пишет Тургенев, я сошелся с ним гораздо теснее, чем в Берлине—я его видел каждый день, и он ко мне почувствовал расположение. В Риме находилось тогда русское семейство Ховриных, к которому я и еще один русский—А. П. Ефремов ходили беспрестанно“.... „Мы раз'езжали по окрестностям Рима, вместе осматривали памятники и древности“⁵⁾.

Станкевич и Тургенев прибыли в Рим почти одновременно, в марте 1840 г. и прожили здесь вместе до середины мая, т. е. до отъезда Тургенева в Геную (в мае 1840 г.⁶⁾). В первый раз Станкевич упоминает о нем на другой день по приезде (9 марта 1840 г.), описывая свое посещение Ховриных. „Были у Ховриных; они приняли

¹⁾ См. ст. Н. М. Гутьяра, „И. С. Тургенев в Берлинском университете“ в книге „Иван Сергеевич Тургенев“. Юрьев. 1907, стр. 19-52.

²⁾ „Русская Старина“, 1883 г., ноябрь, стр. 417-48.

³⁾ „Русские Пропилеи“, т. III, стр. 133-134.

⁴⁾ Переписка Станкевича, стр. 478.

⁵⁾ „Русские Пропилеи“, т. III, стр. 135.

⁶⁾ 9 мая 1840 г. Станкевич пишет Фроловым: „Тургенев уехал в Геную, спешит в Берлин“. Переписка стр. 713. См. также Н. М. Гутьяра, назван. сочинен., страница 22.

меня очень радушно. Тургенев сказал им, что я выеду 10-го, а, вероятно, вовсе не выеду. Я сказал, что я не говорил ему ничего похожего и что это—фантазия. Тут Марья Дмитриевна сказала: *c'est vrai*—и заметила, что он иногда фантазирует. Я поспешил уверить в его способности и в его доброте—и, в сущности, не лгал, разве в тоне. Это между нами. Бринг. загадка объяснена. Туда скоро явился Тургенев. Они сегодня идут в Ватикан“. (19 марта 1840 г. Рим¹).

И в дальнейшем не раз встречаемся с именем Тургенева в переписке Станкевича. Вместе с ним и Ефремовым Станкевич посещает Колизей и Новый Капитолий (13 марта)²), гробницу Сципионовой фамилии, Цецилии Метеллы, цирк Ромула, грот Эгерии, храм Петра (19 марта)³), Ватикан (5 апр.)⁴). К этому „триумvirату“, как называл Станкевич свой новый кружок, присоединялось еще и семейство Ховриных, старшей дочерью которых, Александрой Дмитриевной, увлекался Тургенев⁵). Станкевич не раз говорит об этом в своих письмах. Так 19 марта он пишет Фроловым: „к Ховриным мы ходим очень часто, Тургенев, Ефремов и я; Марков также каждый вечер там. Я играю в четыре руки с Шушу (старшая дочь Ховриных), потом идет всегда очень веселый разговор, который Марков оживляет своим добрым остроумием, заграждая дверь дурной бесконечности. Тургенев обыкновенно рисует свои фантазии и очень удачно. Вчера я давал ему библейские темы, наприм.: Адам, который не знает, что ему делать, и проч.—Марков сделал тут-же мой портрет;—говорят, очень похож. Я верю другим, потому что сам не воображал себя таким, думал, что я лучше—шутите ж после этого над Ведером!—Тургенева никто не сбивает с толку, от этого он говорит связно и хорошо;—ничего не заметно, чтобы он мог, когданибудь, плести такую дичь, какую он плел у Вас. Право, он умен! Не говорю о степени—он молод, может и вообще не прыток, но все-таки умнее, чем мог казаться у Вас“. (19 марта 1840 г. Рим).⁶— „Вчера сказал он нам, что видел во сне, будто женится на Шушеньке (дочери Ховриной), но уверял, что он боялся этого брака. Разумеется, Ефремов принял это очень к сердцу, я—нет, п. ч. флорентинская страсть, замеченная во мне Елизаветой Павловной⁷), не возобновилась“ (26 марта 1840 г. Рим)⁸). 5-го апреля он довольно подробно описывает один из вечеров у Ховриных. „Комиссию Вашу я не мог передать Шушу словесно: как же мне назвать ее миленьким существом? Я показал эти строки в Вашем письме и мать прочла их громко. Марков делал карандашом портрет Шушу: он всматривался, рисовал, перемарывал, и когда я его просил не марать так часто, он отвечал: „Да вот говорите Вы! Это не чтонибудь такое!“ С тех пор он особенно стал восхищаться ее физиономий; Тургенев об'явил его,

1) Переписка Станкевича, стр. 685.

2) Там же, стр. 687.

3) Там же, 691.

4) Там же, стр. 702.

5) Там же, стр. 702.

6) Там же, стр. 691—692.

7) Елизавета Павловна Фролова.

8) Переписка, стр. 698. Намек на этот эпизод встречаем в письме Станкевича к братьям от 25/12 ноября 1839 г. „Недалеко от них (m-g et m-me Кеппеу) живут Ховрины—m-eg, m-me, с ними дочь в семнадцать лет и другая 12-т. Первая очень нравится Ефремову, но этот злокачественный дворянин уверяет меня, что я влюблен в мать. Я думал об этом и решил, что он лжет—впрочем, не обидно для моего вкуса“. (Переписка. 196 стр.).

между нами, влюбленным, я взял на себя делать ему в обществе при случае *stenterellesche* (порадуйтесь, Ник. Григ!), которые каждый раз заставляют его засмеяться и сконфузиться, и теперь он без вины виноват. Шушу в самом деле доброе и милое существо; в ней есть врожденное женское чувство, которое (если не заглушат его годы пустоты или сообщество такого супруга, как ее папаша) никогда не позволит развиться в ней чему-нибудь *choquant*—Все это заставляет искренно жалеть о том, как мало в ней развито и как мало разовьется“ (5 апр. 1840 г. Рим) ¹⁾.

Трудно сказать, как относился Станкевич к Тургеневу. Особенно близких, дружеских отношений между ними не завязалось, несмотря на искреннее расположение к нему Тургенева. Судя по тому, что рассказывает в своей „записке“ Тургенев, ²⁾ и по тому, что говорит об нем Станкевич, можно скорее предположить, что со стороны Станкевича эти отношения были добродушно-шутливыми. Очевидно, та склонность к „фразе“, которой так не любил Станкевич, и которой не лишен был молодой Тургенев, действовала на него расхолаживающим образом. Отзывы о нем Станкевича, как видим, очень сдержанны; он невысоко ценит его ум и талант.

В архиве Станкевича сохранились два письма Тургенева к Станкевичу, относящиеся ко времени пребывания Тургенева в Риме. Поводом для них послужило, вероятно, следующее. 20 апреля 1840 г. Тургенев уехал в Неаполь, ³⁾ и как раз в это время Станкевич, по совету доктора, отправляется в Альбано, намереваясь также оттуда ехать в Неаполь. Между тем Тургенев вернулся в Рим и отправил Станкевичу, одно вслед за другим, два письма (26 и 27 апр.), последнее из которых написано с квартиры Станкевича (Roma, Via Corso, № 71). ⁴⁾

26 апреля, вечером.

Пишу из Рима, любезный Станкевич, из *maison garnie* № 28, *santa-lucino*, вечером после утомительного дня. Ефремов ложится спать, говорит и делает разные непристойности, что я отчасти приписываю картинкам полунагих дев, окружающих его изголовие. Сегодня он был в весьма странном расположении духа и делал каламбуры, от которых у меня волосы становились дыбом. Но во всем нужен порядок. *N. V.* Сегодня Ефремов мылся мылом; и сейчас велит прибавить, что был необыкновенно хорош; даже надевал белые перчатки, собственно одну на левую руку, а другую держал в руке для придания себе *contenance*.—И так, во всем нужен порядок, хоть бы в письме, писанном в целомудренном состоянии. Вид Неаполя неописанно прекрасен—из наших окон—но особенно с замка *S. Elmo*. Прямо перед нашим домом, на другой стороне залива стоит Везувий; ни малейшей струи дыма не вьется над его двойной вершиной.

По краям полукруглого залива теснятся ряды седых домиков непрерывною цепью до самого Неаполя; там город и гавань, и *Castell del O-vo*: на высоком холме стоит замок *S. Elmo* почти на середине залива.—Но цвет и блеск моря, серебристого залива, где отражается

¹⁾ Там же, стр. 702.

²⁾ Русский Пропилев“, стр. 135.

³⁾ 21 апреля 1840 г. Станкевич пишет Фроловым: „Ефремов и Тургенев уехали вчера в Неаполь“ Переписка Н. И. Станкевича, стр. 710.

⁴⁾ 13 марта 1840 г. Станкевич пишет Фроловым: „я отыскал себе квартиру (Corso, № 71, 2° r^o), которой пока очень доволен“. (Переписка. Стр. 686).

в нем солнце, пересеченного долгими меловыми полосами; немного далее—темно-темно—голубого на небосклоне, его туманное сияние около островов Капри и Некед (?)—это небо, это благовоние, эта нега...

Wer einmal in Neapel gewesen ist, kann nie ganz unglücklich sein (Göthe). Приезжайте в Неаполь—ей богу, здесь хорошо. Пока я любовался Неаполем, Ефремов ходил к Дьяковой, собирался он писать к Вам завтра, да х... же его знает; говорит, что похорошел и здоров, и вас ожидает, а сам он и задумчив, и мягок, и кисел и удивлен ¹⁾. Подошел ли я слишком близко к бастионам, что ли—но меня собирались арестовать; впрочем, отпустили с миром. На дворцовой площади встретился я с Ефремовым; осмотрел новый замок, гавань и пошли обедать. Здесь едят гораздо лучше, чем в Риме. Пообедавши, поехали по железной дороге в Портичи: думали, что Помпея близко и ошиблись. По аллее оттуда—8 миль. Мы сошли вниз под землю посмотреть театр Геркуланума. Лава залила все здание слоем вышиной в 75 футов и превратилась в твердый камень. Вырывая колодезь, напали на каменные скамьи театра. Отрыть всего было невозможно—довольствовались проложением узких корридоров, пересекающих театр во всех направлениях. Он был чрезвычайно велик; вся ширина сцены открыта и значительно превосходит *Italo* (?) Видел постаменты, на которых стояли статуи балбусов с надписями; комнаты актеров; в одном месте отпечаток в лаве бронзовой маски. На возвратном пути против нас сидела милая девушка, напоминающая Шушу, и по моему мнению лучше ее; я молча любовался ей, Ефремов рисовал ее, но довольно несчастно; мы приехали; вот ее чудная шляпка пропадает в толпе; вот она и скрылась—и навек. Но она несколько мгновений заняла мою душу и воспоминание об ней будет мне отрадно. Простите до завтра; ветер ужасно свищет; двери и окна трясутся в доме, море шумит и плещет—плохо, английским кораблям.

Если вы хотите ответить мне, пишите во Франкфурт.

27 апреля, утром.

Сегодня день снова хорош; над морем туманы. Ефремов сидит рядом со мною и—варвар! спиной к Везувию: он, кажется, намерен расположить свое послание в виде хрии и очень долго думает над каждым периодом. Вчера, вернувшись из Портичи, катались мы в лодке на море; продрогли и пошли на гавань; там было очень много народу. Четыре кружка было составлено; в первом говорил, распевал и похаживал взад и вперед импровизатор, черноглазый молодой малый; кругом сидели мальчишки оборванные, старики с валеными лицами; женщин я не заметил; во втором кружке старик с отвислым носом читал крикливым голосом рукописную поэму; третий был самый замечательный, толстый человек, очень похожий на Мирабо, безногий, в черной бархатной куртке, говорил важным голосом речь; его слушали все с большим вниманием. В четвертом кружке был Пульчинелли: к Петрушке приходил доктор и перед пользованием пел: *vengo, vengo, vengo, vengo, vengo...* а там густым басом: *chi il diavolo sava*. Доктор входит и поет *sapete chi sou io?* Петрушка раскланивается и знакомится. На сцену приносят больного и доктор берет его в объятья и носится с ним, повторяя *povero giovenillo!* Мы с Ефремовым вспомнили

¹⁾ С правой стороны письма приложен карандашный рисунок И. С. Тургенева, изображающий, очевидно, его с Ефремова.

об вас. Тут Ефремов захотелось и есть, и спать; он отощал, и мы пошли обедать. Съевши несколько апельсинов, он начал уверять нас, что он слаб, как цыпленок; а всему виной Ключников, вызолотивший ему внутренность? Я, чтобы его не портить, притворился, будто верю его слабости; не забудьте, что он выпил за ужином бутылку. И мы пришли; он лег спать; я стал писать письма.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте
преданного Вам Тургенева.

М. Ефремов читает мое письмо и сознается в справедливости всех моих слов. О, Александр Павлович, Вы хороший человек.

Roma. Via Corso, № 71.

В первых числах мая Станкевич вновь возвратился в Рим, откуда намеревался проехать во Флоренцию. Между тем Тургенев вскоре после этого (между 7—9 мая 1840 г.) уехал в Геную. 9 мая 1840 г. Станкевич пишет Фроловым: „Ефремов в Неаполе, возвратится морем. Ховрины выедут оттуда около 16-го. Тургенев уехал в Геную, спешит в Берлин; из Чивита-Веккии написал мне, что получил из дому письмо с кучею неприятностей, которые ужасно его расстроили“. (9 мая 1840 г. Рим) ¹⁾.

Нам не дошло ни это первое письмо Тургенева, ни ответ Станкевича, но сохранилось следующее затем письмо Тургенева из Генуи, от 8-го мая 1840 г., в котором он отчасти касается и этих неприятностей.

Генуя, 8-го мая 1840 г.

В довершение бед моих, любезный Станкевич, не нашел я счета моих злодеев, и вы, если можете заплатить—дайте мне по их счетам, 7 пиастр одному, около 40 фр. другому. Не сердитесь на меня, что я вас обременяю подобными глупостями—и рад бы иначе. Генуя хороший город, но все эти дни льет проливной дождь и мешает наслаждаться. Я познакомился на пароходе с англичанином Dabrymphe который сказывал мне, что страдал грудью и кашлял—и не по сложеню, а от простуды: ездил в Вест-Индию, но не добился толку: в прошлом году в начале декабря поехал в Мальту и там совершенно воскрес: зима там удивительная; и он теперь здоровый и потолстевший. Едет домой жениться. Предлагаю Вам эти факты, за верность которых ручаюсь, на рассмотрение. Мне очень хотелось бы знать, что Вы намерены с собою начать—напишите мне в Берлин—я вам отвечу и сообщу о Вердере и пр. Что, батюшка, ей богу—престранная вещь: так привык слышать каждый день голос Шушу—что теперь и грустно. Что еще страннее, так это то, что я почти никогда не говорил с ней более 3-х минут сряду—а так было приятно быть в одной комнате с ней;—извините—однажды я говорил с ней долее; это было во время возвращения из Сорренто, вечером, ехав вдоль морского берега.

— Впрочем, ничего, ничего—молчание.

¹⁾ Переписка, стр. 117.

Хочется мне и колѣтся. Ну, уж так и быть—не стану церемониться; чтобы дать Вам понятие о моих ощущениях в отношении к Шушу, вот Вам какие стишки я подмахнул:

Что тебя я не люблю—
День и ночь себе твержу.
Что не любишь ты меня—
С тихой грустью вижу я.
Что же я ищу с тоской,
Не любим ли кто тобой?
Отчего по целым дням
Предаюсь забытым снам?
Твой ли голос прозвенит—
Сердце вспыхнет и дрожит:
Ты близка ли—я томлюсь
И встречать тебя я не боюсь
И боюсь и привлечен...
Неужели я влюблен?....

Addio. Кланяюсь Маркову и прочим.

И. Тургенев.

Переписка со Станкевичем на этом не закончилась. В июне Станкевич едет во Флоренцию, откуда написал несколько писем к Тургеневу (от 11 июня). Отрывки приведены Тургеневым в его письме Т. Н. Грановскому, в котором он сообщает о смерти Станкевича (24 июня) ¹⁾.

К. П. Архангельский.

Из устной поэзии талагаев.

Печатающиеся ниже песня и сказка записаны нами в 1912 году, вместе с другими произведениями устного творчества (еще не напечатанными) от *П. Т. Иноземцева* (имел два прозванья, кроме фамилии—*Забалуй*—по деду, *Юнкарь*—личное) на хут. Титчихе, б. Коротоякского, ныне Острогжск. уезда, где по близости он в это лето был сторожем на бахчах. Здесь живут т. называемые *талагаи* ¹⁾. П. Т. Иноземцев—местный уроженец, крестьянин, но не занимавшийся земледелием. Веселый, остроумный, охотник до выпивки, он был небольшой любитель работы. Поэтому выбирал заработок хоть подешевле, зато полегче, обязательно на хозяйских харчах. Он, проживший 66 лет (умер в 1914 г.), лет до 40—служил в солдатах (отсюда и его личное прозвище за принесенный со службы офицерский картуз), работал по шахтам, кажется, ходил по монастырям, потом уже осел в селе и до конца жизни нанимался в сторожа то в сельскую сборню, то в чей-нибудь сад, то на бахчу.

Неграмотным будучи, он при природном уме, благодаря своим странствиям, являлся по своему развитым человеком, с поэтической жилкой. Конечно, он не был истовым сказочником и певцом, но если был в ударе, то рассказывал мастерски, особливо, если был под

¹⁾ Первое собрание писем И. С. Тургенева (1840—1883 г. г.) II. 1885 г., стр. 1—4.

хмельком. Как-то по натуре, по складу своей жизни, Забалую иной раз удавалось воскрешать в своих рассказах скоморошеские приемы, хотя, повторяем, он не был профессионалом рассказчиком и тем более певцом; кстати, пел он редко и плоховато.

Тексты записаны фонетическою транскрипцией, но она по техническим условиям при печатании не могла быть воспроизведена; так, не обозначены ударения; вместо *j* употребляется *й*; свойства *г* и др. звуков тоже не переданы.

I.

„Острожницкая“ песня.

1. Эх, ды лятал сабе на воли
Ды ясьтьрип маладой,
Лятал йон па съвету,
Х астрогу прилятел,
5. Ды сел йон у астроги
На залезная акно;
Кык глянул йон ф акошку,
А там сидить рястант.
Сидить рястан нищаснай,
10. Гарюя ап сабе,
И вот тады завйо рукою
Йон ясьтьриба х сабе:
„Ты ясьтьрип, птица вольная,
А я сижу ф тюрме.
15. Сламай ты мьне ряшотку,
Мы вьмесьти улятим.
С табой мы пылятим
Х далйокму синьму морю,
Хде сонца ни заходя,
20. Ни месец никада,
Хде тучьки ни праходють,
Хде буря ни шумить.
С табой мы вьмесьти будим
Там вольнай жысью жыть,
25. Там ф вольнай жисьни жыть,
26. Красотачик любить. 2)

II.

Как поп жеребенка высиживал.

(сказка)

А то вот ишо одна басья есьть. Штукавая. Как-та иие мне адин прахадяший старьчик рассказавал; в роди манаха он. Па правди-та он ни какой манах, а так, — лантрыга. Он у мене тады дьни три праталкалси. Сколькя вотки мы сь ним тады паглушили.

Йета пры папа басьня-та.

Кады-та ф аднэм сяле жил поп. Бислашаднай хучь был, ну а сё-таки хозяйстьишку какуя-ни-какуя вадил, карову али курачкю—х примерьчу. Ну вот у яво батрак был. Поп—та жох, скряжистай, такой, што батраку-ту трудненька прихадилась. Изьвесная дела: лошадёнки нетути, ну и батраку—как хош; и мучицы сь мельницы ны сабе приняси, и дравишак изь лясу тожак ны сабе ташши. Ана так иза дьня ф день на сабе таскать фсье—здорава чи жало. При том жа и хозяин жох-пирижох: работай яму ат зари ды зари. Вот и задумал батрах нат папом лиминацию атьчубучить—за яво скариднасть.

Рас йета поп пасылая батрака ф лес зы дравишками, штоп и нарубить там и дамой натаскать на сабе. Стал-быть, уш ни ф магату батраку йиво служенья стала—вотын и думая, кабы харшенька сваво хазяина праучить.

Знама дела, нанялси—прадалси, ф лес-та сё-таки надыть итить. Вот йета идя батрак, на дароги увидал пыхалку здаравеннаю. Такая аграмадина! с дажжей што-ли йие разьясло. Заприметил йетаю пыхалку, ды кык шол изь лясу ды сарвал йие. Вот, думая, таперя лиминацию атьчубучу.

Принес йета он йие х папу и паказывая. А поп: Йета што такая?

— А ты рази ня знайишь? Ета яйсо кабылиная.

— Какая такая яйсо кабылиная? Ты ня с ума ли ряхнулси?

— Не!.. не!.. Ты знайиш, батя, ись йетава яйса можна жириябеначья самастаятельна высидить. Конь будя...

— А какжа яво высидить-та?

— Ды как... Как курица высиживая? Знайиш? Атьсиди на йом тьри нядельки, вот тебе и жириябеначик. Хош, дык на. Ражживайси сь майой легкой руке.

Поп-та ня прочь ать жириябеначья, ды сумления бир-йо. Вишь, батрака пасадить—за яво самаму батрачить нада; самаму сесьть—приходу на тьри нядели лишитца: вить, пападью-та ни заставиш саркавусты служить. Думал—думал поп, ды паряшил сам жириябеначья высиживать. А то есьли батрак, думая, высидя, ишшы ни атдасьть яво,—скажа,—я тебе ни абьвязан на насесьти садитца.

Вот йета батрак усадил папа вь яслях на насесьти чесьть па чесьти и пыхалку падь яво падлажил. Сидить поп няделю, сидить другую. Тяшка яму, аташшал весь. А тут ишшо пачаль ап приходи: ать нечива делать сидить

он ды в гылаве прикидывая, сколько он даходу за йетаю времю тиряя. Уш хател была бросить, ды расдумал: сидел дьве нядели, прасижу ишшо адныйе, зато жирьбёнак будя. Пади яво купи, а то он есьть сам собой.

Вотана идя время-та. Падашла, сталбыть, х канцу третья няделя. Поп-та уш нямношка пависялел вроди,—скора канец будя! А батраку тут самая забота,—как яму изь бяде вывертыватца. Вить ф случай чаво,—поп яво тады ф тартарары загоня. Вот и думая, как изь бяде выкрутитца. Вот он пашол ипять ф лес зы дравами, а яму насътречу зайиц бяжить, ды пряма ф ноги. Батрак яво прымяжду нагами и пришшамил! Абрадалси ды пряма съ ним х папу.

Приходя х папу, а поп пат сараям фь ясьлях на насесьти сидить. Батрак-та к яму, а зайица назади. придерживая, ни показывая папу. И гаварить папу:

— Ну-ка, батя, падьнимайсь. Пара уш сматьреть, што ты там высидил. Можак, уш жирябеначькю вылуплятца пара.

Поп йета припадьялси ды с аташшания никуратна как-та, пыхалку—та и расдавил. Аш пыль ать нийе пошла. А батрак ф йетаю времю пат папа патпусьтил зайица. А зайиц ис-пат папа тут жа сътрикача,—изь ясьлий ды па двару, а са двара на улицу, а с улицы пряма ф полю. Ани за ним. Ну, поп-та с аташшания на ноги аслап, а батрак дьли виду толька бяжить. Ганялись, ганялись, ды зайица-та ни дагнали. Патэда яво и видяли.

Вот поп и горюя:

— Нишшасья-та какая! Высидить высидил жирябеначьтя, ды ни сабе. А какой прыткой удалси. Дажи и ни расматьрел харшёнья, какой он. Толькя увидал сзади,—белинькяй.

А батрак сабе гы ды га, гы ды га.. 3).

Примечания.

1) Талагаи—наиболее древние поселенцы Воронежской губернии, живущие здесь разбросанно, а не сплошной массой. Это самая многочисленная группа великорусского здешнего населения. В прежнее время, до половины XIX века, талагаи имели своеобразные особенности в быте, одежде и говоре, сравнительно, с новыми поселенцами края—цуканами; ныне эти особенности почти исчезли.

Маленький глухой хуторок Титчиха, где были сделаны наши записи, находится на правой стороне Дона, против впадения в него р. Хворостанки, на том месте, где прежде находилось историческое село Избыльное, вотчина Покр. дев. монастыря.

Говору талагаев данной местности мы посвятили отдельную работу: „О говоре в местности Хворостань, Воронеж. губ.“ („Живая Ста-

рина“, 1906 г., вып. I; перепеч. с сокращ. в „Памятн. кн. Ворон. губ. на 1908 г.“).

2) Сходные с нашей песней записаны 1) *В. Добровольским* в Смоленской губ. (в количестве двух), напечат. им в „Смол. Этногр. Сборн“. т. IV и 2) *Дурново* („Пушкин. сборн.“, Москва, 1899). Последний считает свою запись, как переделку Пушкинского „Узника“ (1822 г.). Наша запись, имеющая некоторые отличия в сравнении с вышеуказанными, повидимому, не говорит о заимствовании из книжной литературы. Вопросу о взаимоотношениях Пушкинского „Узника“ и песен В. Добровольского посвящена особая статья *М. Богдановича* („Пушкин и его современники“, вып. XXVIII, Птгр., 1917), но здесь им не высказано определенного мнения о том, Пушкин ли у народа или последний у первого заимствовал. Наша запись дает некоторые лишние шансы в пользу того, что оригиналом для Пушкинского „Узника“ могла послужить подобная „острожницкая“ песня.

Строки 16—22 нашей записи совпадают со строками 5—8 в записи *Ф. И. Поликарпова* из с. Березова, Нижнедевицк. у.,—песня № 31. Последняя песня, несомненно, заимствовала означенные строки из подобной нашей тюремной песни, но в целом представляет развитие иного сюжета.

Приводим ее целиком (запись 1908 г.)

1. Сижу я в няволи, в няволи такой,
Пишу я записку ка любезнай свайой,
Пишу я другую, брасаю из окна.
Гляжу я ув акошка—товаришш идио.
5. Таваришш, таваришш! давай улятим,
Палятим с табой, таваришш, за синея моря,
Где сонца не светя, где месец никада,
Где буйнаи ветры,
Там я гуляю, гуляю, гуляю ва зеленом саду.
10. В зеленом садочкю салавьи пають,
А нам с табой, милай, зазнобу придають.
Зазноба, зазноба не маленькея—
Зазнабила сердца, майо и твайо,
14. Твайо и майо заядиная.

(Рукопись *Ф. И. Поликарпова*: „Нижнедевицкая долгая песня“, из Никитинского музея)

3) Подобный сказочный сюжет—один из редких. Он отмечен проф. *Д. К. Зелениным* среди вятских сказок („Великорус. сказки Вят. губ.“, Птгр, 1915 г., № 130); запись проф. *Д. К. Зеленина*, сравнительно с нашей, отличается сжатостью. и речь рассказчика отличается меньшим мастерством изложения. На такую же сказку из Вологод. губ., запис. *Н. А. Иваницким*, он указывает в примеч. к своей сказке, но по следнего текста, за отсутствием в Воронеже соответствующей книги („Труды Этногр. Отдела“, т. XI, вып. I), сравнить с нашим не удалось. В „Русских Заветных Сказках“, изданных за границей, не оказалось родственного сюжета.

Местные слова, встречающиеся в наших текстах.

1. Атьчубучить—проделать что-нибудь особенно ухарски, мастерски.
Басья—одно из местных названий сказки.
Вотын; вотана—вот он; вот она (и оно),
Батрак—малоземельный или безземельный крестьянин, работающий по найму, в отличие от кулака и средняка.
5. Жох-пирижох—особенный выжига.
Ипять—опять.
Какжак; тожак; идежак—как же; то же; где же.
Лантрыга—беспутный.
Лиминация—переделка литер. слова *иллюминация*; употребляется между прочим, как и здесь, в смысле: ругань, злая выучка.
10. Магата—мочь, сила.
Надыть—надобно, надо.
Пыхалка—шарообразный дождевой гриб.
Саркавуст—сорокоуст.
Скряжистай—прижимистый, скупой, жадный.
15. Сталбыть—стало быть.
Старьчик—нищий.
Х примерьчу—для примера, к примеру.
Хучь—Хоть.
19. Штукавай—замысловатый, забористый, искусный.

Сообщил и снабдил примечаниями

Алексей Путинцев.

Программа для собирания материалов по литературной деятельности в Воронежском крае.

Никитинский музей в г. Воронеже, открытый 4 октября 1924 г., приступая к выполнению важной культурной своей задачи—собиранию материалов по литературе Воронежского края, убедительно просит все уездные музеи, местные краеведческие ячейки, профессиональные клубы и отдельных лиц прийти ему на помощь в его деле, как собиранием означенных материалов, так сообщением сведений о них.

Дело это с краеведческой точки зрения—чрезвычайно важное вообще, а в частности для Воронежского края, где интересы литературные издавна проявлялись довольно сильно.

Задача собирания материалов по местной литературе, выдвигаемая в наши дни, и нова, и сложна, и трудна, почему Никитинский музей обращается за содействием к местным культурным работникам, ибо они своею помощью много могут содействовать удачному разрешению ее.

Программа имеет целью помочь местным краеведам в их работе; в затруднительных же случаях они могут обращаться за справками и разъяснениями в Никитинский музей непосредственно.

I. Устная словесность.

1. Название местности (село, хутор и т. п.).
2. Записи произведений устной словесности, сделанные в данной местности и не опубликованные в печати. Указать в частности:
 - а) в каких селах и когда производились записи?
 - б) кто именно производил записи?
 - в) производились ли записи с соблюдением фонетических особенностей говора?
 - г) описывалась ли при этом манера исполнения произведений поэзии в народе (мелодия песни,—с пляской, с игрою, с обрядом и проч., манера рассказывания сказки и т. д.)?
 - д) Дайте полный перечень названий записанных крупных произведений (сказок, старинных песен и др.) и укажите количество собранных новых песен (частушек, страданий, пригудок и др.)?
 - е) Целы ли эти записи и где они хранятся?Есть ли уверенность, что эти записи не пропадут?
3. Известны ли составители устных песен, сказок и проч. из рабочих и крестьян вашей местности? Сообщите краткие сведения об их жизни и произведениях? (Желательно представление и самих произведений).
4. Ведет ли краеведческая ячейка, если она есть, собрание материалов по устной поэзии, какими правилами руководится при этом и какое назначение желает дать собранному материалу? Что ею сделано в этом отношении?
5. Ведут ли подобную работу отдельные лица? По какому плану они ее ведут? Какое назначение предполагается дать собираемому материалу?
6. Не известны ли произведения устной словесности, записанные в Вашей местности, уже опубликованные в печати? Что, где, когда и кем опубликовано?
4. Нет ли сводки сведений о собранных в Вашей местности произведениях устной словесности, как напечатанных, так и не напечатанных? Если есть, то сообщите ее.
8. Указать, кто собирал сведения по данной анкете (с сообщением, на случай справки, адреса).

Примечание: Правила непосредственного собирания произведений устной словесности составляют особую программу.

II. Рукописная старая и новая литература.

1. Название местности.
2. Известны ли Вам уроженцы или просто жители (из рабочих и крестьян и из образованных людей) прежнего и настоящего времени Вашей местности, как писатели, авторы письменных произведений, не попавших в печать? Если таковые есть, то сообщите о них сведения в таком виде:
 - а) Биографические сведения (лучше бы автобиографии).
 - б) Перечень их произведений с указанием их объема, в рукописных страницах, и рода: рассказы, стихи и проч. (желательно иметь самые произведения).
 - в) Целы ли эти произведения? Где они находятся? Не грозит ли им опасность утери?
 - б) Желательны фотографические карточки авторов, если есть.

3. Существовали ли кружки, интересовавшиеся литературой? Если да, то в какое время, когда, кто были члены и какова была деятельность их?

4. Если есть краеведческая ячейка, то собирает ли она подобный материал, по какому плану и для чего? Что сделано в этом отношении ею? Издавались ли в Вашей местности рукописные журналы, газеты и сборники, особенно „подпольные“? Если да, то сообщите о них сведения по такой программе:

- а) Название издания.
- б) Место и время издания.
- в) Причины и цели возникновения этих изданий.
- г) Состав редакции и сотрудников.
- д) Состав читателей (количество их, социальная среда) и связь их с изданием.
- е) Программа и направление журнала.
- ж) Связь с кружками и лицами из других мест.
- з) Состав литературной части (перечень главных статей с указанием авторов, по возможности с раскрытием псевдонимов).
- и) Какое внимание на местную жизнь, а в частности на местную литературу оказывали рукописные издания?
- к) Уцелели ли экземпляры рукописных изданий, в каком виде и где они находятся?
- л) Не грозит ли им опасность утери?

5. Не собирают ли подобный материал отдельные лица, по какому плану и для чего? Что ими сделано в этом отношении?

6. Нет ли сводки сведений по данному вопросу у краеведческих ячеек и отдельных лиц? Если есть, то сообщите ее.

7. Указать, кто собирал данные сведения (с сообщением—для справок—точного адреса).

Примечание. Желательно было бы сообщение материалов по рукописной литературе от самих авторов.

III. Печатная литература.

1. Название местности.

2. Известны ли Вам авторы, уроженцы здешнего края и просто жившие здесь, печатавшие свои произведения?

Если таковые есть, то сообщите о них сведения в таком виде:

а. Биографические сведения (или, если возможно, автобиографии). Желательны также фотографические карточки авторов.

б. Перечень их произведений с указанием того, когда, где и кем они были напечатаны. Чрезвычайно желательно представление самых изданий, особенно если это *местные* издания (журналы, газеты, сборники и проч.).

3. Печатались ли об этих авторах где-либо статьи? Если печатались, то когда и где? Кто писал статьи?

4. Существовали ли раньше и существуют ли теперь чисто литературные кружки или вообще кружки, которые интересовались литературой? Если да, то сообщите сведения об их времени, месте, задачах, составе членов, деятельности кружков? Были ли они связаны с кружками и лицами из других мест? Оказывали ли влияние местные кружки на местную жизнь, литературу и какое именно?

5. Выходили ли здесь журналы, газеты или сборники с литературным отделом? Если да, то сообщите о них сведения в таком виде, как и о рукописных журналах (см. выше).

6. Собирает ли подобные сведения, по какому плану и для чего краеведческая ячейка?

Что ею сделано в этом смысле?

7. Собирают ли подобные сведения, по какому плану и для чего отдельные лица? Что ими сделано?

8. Нет ли сводки по данному вопросу?

Если ли есть, то сообщите ее.

9. Указать, кто сообщал сведения по данной анкете (с сообщением адреса, на случай справок).

Примечание. Чрезвычайно желательна присылка печатного материала.

Кроме того, желательно сообщение и тех сведений, которые не предусмотрены настоящей программой.

(Программа составлена Завед. Никитинского Музея *А. М. Путинцевым* и одобрена Коллегией Никитинского Музея и Культурно-Исторической Секцией Воронежского Губ. Краеведч. Общества).

Сведения просят доставлять непосредственно в Никитинский Музей (Никитинская ул., д. № 15).

Г. Воронеж.
10/xi—1924 г.

Инструкция для собирания ископаемых остатков древних насельников края.

(Извлечено из книги *Б. Н. Вишневого*: „Человек, как производительная сила“, гл. VII, стр. 39—42. Подробнее о книге см. в библиографическом отделе).

Подобные остатки, — черепа и кости, — весьма важные для характеристики физического типа древних поселенцев края, будучи похоронены по берегам рек, ручьев, выступают на дневную поверхность под действием размывания, атмосферных осадков, ветра и т. д.

В тех случаях, когда могильник уже потревожен силами природы и ему грозит дальнейшее разрушение и уничтожение, необходимо подобрать все черепа (с нижней челюстью) и относящиеся к каждому из них длинные кости (бедря, голени, плеча, предплечья) и кости таза с крестцовой костью, если нет возможности собрать и хранить все кости целиком.

Кости следует подымать с земли осторожно. От влажности почвы череп и остальные костные остатки становятся иногда столь мягкими, что их легко можно раздавить в руках. Поэтому, вынув их осторожно, предварительно надо дать костям обсохнуть на свежем воздухе, лучше в тени, за солнцем. В этих условиях кости скоро твердеют и не требуют сплосшь и рядом дальнейшего уплотнения. Впрочем, иногда кости

тотчас же рассыпаются, как только к ним прикоснется рука человека. В этих случаях, если необходимо сохранить памятник старины, нужно пропитать хрупкую кость спермацетом, заранее купленным в аптеке. Небольшое количество спермацета растопляют в маленькой чашке; когда вещество начинает закипать, кисточкой смазывают им поверхность хрупкой кости. Спермацет пропитывает кость и придает ей крепость.

Если обнаруженный памятник старины представляет большую древность, то все остатки костей, даже мелкие, должны быть сохранены и присланы в научное учреждение (Воронежский Государственный музей, Проспект Революции, 4), где опытные исследователи восстановят из обломков целый череп или кость.

Череп из разрушенных действием природы могильников, старых кладбищ лучше оставить сначала сохнуть 2—3 дня, после чего их внутренность осторожно освобождают от земли через затылочное отверстие с помощью деревянной палочки. Выпадающие зубы вставляют в свои луночки и, если они шатаются, то их прикрепляют клеем. Если вместе с черепом найдена нижняя челюсть, то ее прикрепляют ниткой или бичевкой к скуловой дуге, завязав бичевку крепким узлом; иначе челюсти можно пересушить и потом их трудно будет подобрать к соответственному черепу.

На левой теменной кости черепа следует написать чернилами точное обозначение места погребения и поставить номер. Этим же номером отмечают остальные кости скелета, взятые для исследования.

Для пересылки кости необходимо поместить в ящик, завернув их в бумагу и переложив сеном.

Коллекция черепов и костей тем более будет ценной и тем вернее будут выводы, основанные на ее изучении, чем больше ископаемого материала будет доставлено из одной местности. Коллекция в 100—200 черепов и относящихся к ним длинных костей явилась бы ценнейшим научным материалом для познания физического типа доисторических насельников края.

Нетронутых погребений любителям науки затрагивать не следует: для раскопок нужны специальные знания и опыт. Легко разрушить неумелыми действиями памятник старины, воссоздать же его невозможно.

Все вышеуказанное относится исключительно к собиранию материалов из потревоженных силами природы погребений.

Относительно таковых следует заметить, куда головой лежали покойники, в какой позе (на спине, в скорченном состоянии и т. д.), не было ли при них вещей (каких); кому, по преданию местных жителей, принадлежит древнее место погребений; если оно существовало в историческое время, то как определяется его давность в годах или веках. Все эти сведения необходимо направить в то учреждение, куда пересылаются и добытые материалы (Госмузей).

Если на черепах сохранились волосы, их не следует снимать; такие черепа тщательнее следует завернуть в бумагу и присоединить к пересылаемой коллекции.

Краеведческая хроника.

1. Из экскурсий за лето 1924 года.

За летнее время мною совершен ряд экскурсий; из них, кроме помянутого (в 2-м сборнике) участия в путешествии в с. Таврово, сделаны экскурсии в следующие села: в с. Усмась Собакину, Ендовище, Подгорное, Чертовицкое, Старо-Животинное, Ступино, Карачун; сделан ряд зарисовок, обследований, записей.

Задачей экскурсий было: с одной стороны установить наличие оставшихся памятников фабрично-заводской жизни крепостного времени, с другой—этнографические изыскания, в области, главным образом, материальной культуры. Первая задача дала следующие результаты; прежде всего сохранилось в памяти стариков с. Таврова существование суконной фабрики; повидимому, она просуществовала до начала 19 века; указано было и место ее недалеко от бывшей верфи, выше по течению; показан был и тип прялок; сохранившийся до сего времени в обиходе старух. Находки слитков стекла и целых плиток, при наличии леса и хорошего песка, дают основания допускать возможность существования в старое время в Таврове стеклянного завода. С. Усмась Собакина не дала желанных результатов о суконной фабрике, но место, где она была население помнит.

С. Ендовище дало материал о бывшем лет 30 назад фаянсовом заводе Д. Н. Попова; на заводе работало 12 чел., из них 1 женщина. Плата за труд была 5—8 рубл., работали от света до света. Производили фаянсовую и полуфаянсовую посуду: тарелки, чашки, вазы с раскраской и позолотой. Владелец, помимо посуды, сбывал и глину; посуда шла в Воронеж и Москву, глина в Ленинград, Москву, Астрахань и Закаспийский край. Кроме обычных экземпляров, были и оригинальные фигурные поделки. К сожалению, не удалось, кроме 2 экземпляров брака, установить другие виды поделок.

В с. Старо-Животинном¹⁾ живы ткачихи и красильщицы, работавшие в ткацкой мастерской, где их работало до 30 душ. Производство могло бы быть восстановлено, тем более, что мастерицы достаточно вышколенные и давали продукты для Ленинграда и Москвы, для выставок. К сожалению, мастерские имеют полуразрушенный вид и запущены; из разговоров выяснилось, что мастерицы не прочь начать производство снова, если бы их кто-либо организовал.

В селе Подгорном в довоенное время был печальный опыт с школой по плетению корзин и мебели. Был поставлен инструктор из слепцов (зрячий не достаточно охватывал технику), и дело не пошло.

В селе Чертовицком угольный промысел не падает, но дело с лесом носит беспорядочный характер. В смысле этнографическом названные села, несмотря на близость ж. д. и города, много сохранили интересных деталей, но беглые экскурсии не дают полного охвата по изучению и при беглом изыскании в масштабе на полсотни верст дают различие как между селами по сословному происхождению жителей (крепостные, казенные, экономические и т. п.), так, равно сказывается и общий облик населения лесостепной границы.

¹⁾ С. Старо-Животинное давало рабочих на бумажную фабрику на Моклоке. Из опросов выяснилось, что фабрика в последнее время производила только серый картон.

Особенно интересно с. Ступино. Здесь в достаточной мере своеобразен тип построек, особенно двухъярусных. Обычное внутреннее расположение имеет бросающиеся в глаза опоры, называемую крестом, в передних углах ящики (божницы), с ажурной вырезкой карнизов из дерева, палаты с резьбой, разные предметы, обихода, большое крыльцо на улицу. Кирпичные постройки имеют роспись по кирпичу. Костюмы слабо отражают самобытность, но собрать тип костюма возможно. Еще более интересно в этнографическом отношении село Ендовище. На троицын день здесь можно наблюдать отражение старой Украины в костюмах, богатую роспись хат внутри и слабые снаружи. Зарисовки дали желательные результаты для сохранения народного творчества, но, несмотря на неоднократную прогулку в с. Чертовицкое, приходится сказать, что материал не исчерпан, и экскурсии будут повторены

Н. В. Валуконский.

2. Открытие Кольцовской комнаты в Никитинском музее.

Никитинский музей, являющийся литературным музеем Воронежского края, несмотря на свое кратковременное (шестимесячное) существование, прошел еще одну стадию своего развития: 19 марта в нем была открыта Кольцовская комната. Первоначальное количество экспонатов 87, приобретенных в подавляющем большинстве самим Никитинским музеем.

Торжество открытия Кольцовской комнаты заключалось в следующем: были прочитаны доклады—А. М. Путинцева (зав. муз.): „Итоги и перспективы Никитинского музея“, „Кольцов и театр“:—Н. В. Валуконского (зав. госмуз.). „Дома в Воронеже, где жил Кольцов“; К. П. Архангельского (пр. Вор. Унив.): „Кольцов и Воронежские поэты 30—40-х годов“: после докладов были продекламированы Г. И. Фоминым и Т. Башкировым стихотворения Воронежских поэтов кольцовской поры и песни Кольцова в неопубликованных редакциях: в заключение почетным членам Никитинского музея был избран известный кольцовед А. И. Лященко.

На собрании присутствовали представители Губоно, Воронежских музеев и от некоторых учреждений и организаций.

Для собирания экспонатов по отделу Воронежской литературы после революционной эпохи музей выработал и печатает соответствующую программу. На днях вышел из печати и поступил в продажу сборник музея „Воронежская Литературная Беседа“, с неизданными материалами о Воронежских писателях (Кольцов, Станкевич, Никитин, Афанасьев, Эртель и пр.), в 83 страницы.

Библиография.

Б. Н. Вишневский, (антрополог Российской академии наук).

Человек, как производительная сила.

Инструкция для производства антропологических исследований без применения инструментов. Для экскурсантов и краеведов. Ленинград, 1925 г. Издательство Брокгауз—Ефрон. Стр. 51. Цена 25 коп.

Содержание: Предисловие. I. Измерительные признаки и сома-

тические (внешность человека). II. Физиологические признаки и их описание. III. Наблюдения в семьях. IV. Материалы призывных списков бывших воинских присутствий. V. Сведения о заболеваемости местного населения. VI. Сведения по социальной антропологии. VII. Собираение ископаемых материалов. VIII. Фотография в антропологических целях. IX. Собираение прочих сведений. X. Заключение. XI. Литературные указания.

Вопросы, затронутые т. Вишневым, в системе изучения местного края предоставляются чрезвычайно важными. Вот что говорит по этому поводу автор: „В наше время усиленнейших стремлений к познанию и разработке производительных сил страны никто, кажется, не сомневается в необходимости изучать самого человека, как производительную силу, не менее важную, чем все остальные сокровища природы. При Госплане создана даже особая комиссия „Человек“ и тем самым указанная задача получает характер государственной важности.

Мысль большой ценности для переживаемой нами эпохи, когда научные стремления направляются главным образом в сторону изучения естественно-исторических условий, в которых работает человек, оставляя подчас совершенно в тени самого человека.

Между тем работа по изучению „человека“ „не отложна в наше время, когда население испытывает все последствия минувших потрясений“ (войны, болезни, голодовки), „нанесших тяжелый удар не только экономическому благосостоянию людей, но и их физической организации, приводя местами к вымиранию“.

Если в старой России имели место угасание и вымирание целых племен, то теперь наоборот должны быть приняты все меры к восстановлению живой силы населения Союза ССР, а для этого необходимо всестороннее изучение этой силы при участии ученых, любителей науки и широких общественных кругов.

Книга т. Вишневого и назначается для широкого пользования приведенными в ней указаниями (учителя, фельдшера, студенты и т. п.). Для этого не требуется специальных антропологических познаний, предварительной работы в лаборатории или практики в обращении с инструментами: „пользуясь лишь двухметровой рулеткой или обыкновенной сантиметровой лентой („сантиметром“), всякий любитель науки может собрать чрезвычайно ценный антропологический материал“.

И мы совершенно согласны с автором, что местный краевед—любитель науки, имея под руками соответствующую инструкцию, „выполнить необходимую работу сумеет прекрасно“ (курсив везде наш).

И в этом смысле инструкции т. Вишневого вполне отвечают своему назначению: изложены они ясным, для всех понятным языком, толково и обстоятельно.

Ф. И. Поликарпов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МАСЛОБОЙНЫЙ ТРЕСТ

ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ

14 Маслобойных заводов	1 Фабрику Туалетных мыл
3 Мыловаренных завода	1 Красочную фабрику
1 Завод Эфирных масел	2 Олифоварки

И М Е Е Т:

Контору в Москве, Агентство в Киеве, Оптово-розничные магазины: в гор. Воронеже, Острогожске, Россоши, Валуйках, Алексеевке, Бутурлиновке, Боброве, в селе Анна.

УПРАВЛЕНИЕ в Воронеже, Плехановская, 43.

Телеграфный адрес: ВОРОНЕЖ—МАСЛОТРЕСТ.

ТЕКУЩИЙ СЧЕТ:

в Госбанке № 238, в Промбанке № 3, в Роскомбанке № 33, в Всекомбанке № 340.

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСМАСЛОТРЕСТ

ТЕЛЕФОНЫ: Директора 3-72, 46. Заместителя директора 4-54. Коммерческий Отдел 15, 1-83. Производственный Отдел 5-43, Главный Вухгалтер 3-34. Управляющий Делами 2-46, Общий Отдел 4-02, Оптово-Розничный Магазин 4-24.

ПРОДАЕТ ПРОДУКЦИЮ СВОИХ ЗАВОДОВ:

Масла растительные	Цена пуда р. к.		Цена пуда р. к.	Мраморные	Цена пуда р. к.
Подсолнечное	5 25	Белила свинц. №00	16 50	Высшего сорта	5 40
Льняное	9 —	Сурик железный	5 50	Первого	5 10
Конопляное	8 —	„ свинцовый	11 80		
Эфирные	за	Сажа голландская	17 —	Туалетные	за
Анисовое	8 р.	Мумия	5 50	Яично-Глицерин	2 60
Кориандровое	25 р.	Охра темная	6 20	Цветочное	2 —
Олифа		Охра светлая	7 20	Земляничное	1 80
Льняная	10 50	Медянка цельная	41 50	Гелиотроп	2 20
Конопляная	9 50	Грунт зеленый	13 50	Идеал	1 80
Жмыхи		Ультрамарин сух.	59 —	Ланолиновое	1 70
Подсолнечный	— 90	Замазка	1 80	Виолетовое	1 80
Льняной	— 95	Медянка составн.	24 —	Глицериновое	1 60
Конопляный	— 70	Мыла		Яичное	— 96
Краски тертые		хозяйственные:		Семейное 1-е	2 40
Белила цинков. № х. ч.	20 50	Нестор	8 —	Семейное 2-е	3 —
„ „ № 00	18 —	Ядровое	7 —	Сирень	2 20
		Полуядровое	6 20	Пальмира	2 40
		Зеленое	5 —	Ява	2 50

Тара под масло, хозяйствен. туалетн. мыла, краски, белила и олифу по себестоимости. Все цены франко дубликат отправления за пуд—килограмм нетто.

ПОКУПАЕТ:

Подсолнух масличный, Лен, Коноплю, Анис, Кориандру, Салолия, Прессовое сукно, РЕМНИ: Верблюжья, Кожаные, Прорезиненные, Электрические принадлежности, Смазочные масла и друг. вспомогательные материалы для своих производ.

Госорганам и Кооперативам льготные условия расчета и широкий кредит.

На всесоюзной Сельско-Хозяйственной Выставке продукция Воронежского Госмасло-треста удостоена диплома за хорошее качество и улучшение производства.

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК.

Вып. I. Воронеж. 1924. 8°. Стр. 1—53.

1. *С. Н. Введенский*. Воронежское краеведческое общество и его задачи (3—4). 2. *Его же*. Основные моменты в хозяйственной, общественной и культурной истории Воронежского края (5—16). 3. *Т. М. Олейников*. Из истории крестьянских волнений в 1905 г. в пределах Воронежской губ. (16—29). 4. *К. П. Архангельский*. Из истории кружка Н. В. Станкевича (29—44). 5. *Н. М. Беззубцев*. Музей древностей и изящных искусств Воронежского Госуд. Университета (44—48). 6. *В. В. Литвинов*. Краткий указатель литературы по изучению Воронежской губернии (49—53). Цена 50 коп.

Вып. II. Воронеж. 1925. 8°. Стр. 1—47.

1. *С. Н. Введенский*. Об украинском населении в пределах Воронежской губ. (По поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского) (3—6). 2. *А. Н. Татарчуков*. К вопросу о современном состоянии кустарной промышленности в Воронежской губернии. (7—11). 3. *Г. И. Фомин*. Кустарные промыслы Воронежского, Бобровского и бывш. Павловского уездов (11—25). 4. *В. К. Быстржинский*. Гончарный промысел в с. Карачуне, Воронежского уезда (25—27). 5. *С. Н. Шестова*. Воронежский Государственный Музей. (По поводу 30-летнего юбилея) (27—34). 6. *Проф. А. М. Путинцев*. Открытие Никитинского Музея в Воронеже (35—36). 7. *Проф. Н. Н. Боголюбов*. Инструкция для собирания костей мамонта. (37—40). 8. *С. Н. Замятнин*. Инструкция для изучения первобытных древностей (41—44). 9. *Н. В. Валуйкинский*. Жизнь детей рабочих на суконных фабриках крепостного времени (44—46). 10. Краеведческая хроника: 1) Археологические разведки в Воронежской губернии. 2) Этнографическая экскурсия в Тавров (46—47). Цена 50 коп.

Продаются в книжных магазинах: Госиздата, Губоно, Книгартели, в складе посредничества „Экономической Жизни“ (Двигатель) и в Музее. Для учащихся, учащих и других лиц и учреждений, ведущих краеведческую работу, при покупке всех 3 выпусков, уступка 20%.

Вып. IV будет посвящен работам естественно-исторической секции.

Гублит 1744.

Тираж 750 экз.